

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ЗЛОСТЬ

ПИТЕР НЬЮМАН

Шедевры фэнтези

Питер Ньюман

Злость

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Вел)

Ньюман П.

Злость / П. Ньюман — «Издательство АСТ», 2016 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-112249-2

После многих злоключений и невзгод Странник сумел найти островок безопасности в землях, изуродованных катаклизмом, демонами и мутантами. Но спокойствие не вечно, ведь на юге снова проснулся Разлом, откуда в этот мир изначально проникли инфернали, разрушившие человеческую цивилизацию. Только на этот раз из Разлома появляется создание, которого боятся даже чудовища, создание, одинаково опасное и для людей, и для монстров. И в ответ на новую угрозу оживает Злость, меч Странника, живой и обладающий собственным сознанием осколок погибшего полубога. Но воин больше не хочет идти в бой, и тогда мечу приходится найти себе нового хозяина и отправиться с ним в путь, хочет его новый владелец того или нет. Правда, они оба еще не знают, что в мире многое изменилось, и понять, кто тебе друг, а кто – враг, стало гораздо сложнее.

УДК 821.162.1
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-112249-2

© Ньюман П., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава первая	7
Тысячу сто тридцать семь лет назад	19
Глава вторая	21
Глава третья	25
Глава четвертая	36
Тысячу сто двадцать шесть лет назад	42
Глава пятая	46
Глава шестая	55
Глава седьмая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Питер Ньюман

Злость

Peter Newman
THE MALICE

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств Caskie Mushens Ltd. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Серия «Шедевры фэнтези»

Перевод с английского: Катерина Щукина

В оформлении использована иллюстрация Ольги Зиминной и Валерии Евдокимовой

Дизайн обложки: Юлия Межова

Copyright © 2016 by Peter Newman

All Rights Reserved.

© Катерина Щукина, перевод, 2021

© Ольга Зимина, Валерия Евдокимова, иллюстрация, 2021

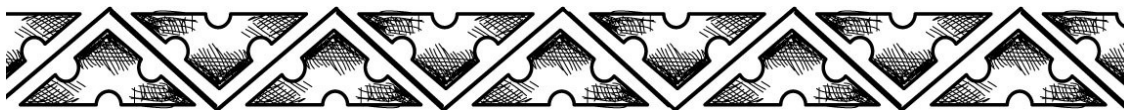
© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Даниэлю

Глава первая

На юге проснулся Разлом.

Более тысячи лет он рос, сперва медленно, подобно невидимой опухоли, скрытой под поверхностью земли, подобно микротрещине, источающей чужеродные испарения, пугающий, однако безобидный. Но давление под поверхностью все нарастало, пока трещина не превратилась в проем, а проем распространился дальше, стал бездонной утробой, открывшейся на теле мира раной.

Из Разлома прорвались инфернали, бесформенные кошмары, что прорубают себе путь в реальность, вселяются в тела павших, изменяют их, искажают законы природы, оскверняют растения, животных, даже воздух.

Приняв физическую форму, инфернали также обретают личность и имя: величайший из них – чудовищный Узурпатор, который поглощает силу, подчиняя чужую волю, который поверг Гамму из Семерых и разбил ее воинства. Узурпатор – предвестник крушения надежд и утраты человечеством ведущей роли в мире.

Но живой меч Гаммы не уничтожен, и его постоянное присутствие оставляет на сущности Узурпатора болезненные гноящиеся следы, ослабляя его. Узурпатор посылает свою армию на поиски меча, известного среди инферналей под именем Злость, но тщетно. Меч уведут у них из-под носа, и со временем его сила сокрушит Узурпатора, и вновь воцарится подобие мира. Не истинный мир, ибо слишком многое было разрушено на земле, чтобы былой миропорядок мог вот так запросто восстановиться. Это лишь пауза, задержка дыхания перед очередным выдохом. Ничто иное, как временная мера. Ибо на юге проснулся Разлом.

На другом конце мира у окна стоит мужчина, и взгляд его янтарных глаз направлен на маленькую фигуру снаружи. Ее обладательницу зовут Веспер. Она не делает ничего особенного, но, глядя на нее, мужчина улыбается: само ее существование согревает его подобно лучам солнца.

Долгое время он был сам по себе, был бродягой. Теперь у него есть дом, семья и козы – так много, что он не знает, как с ними управиться. Это хорошая жизнь.

Но в последнее время ему мерещится надвигающаяся тень, признак грядущих несчастий. Его дом находится за пределами Сияющего Града, вдали от людей, политики и чужих чаяний. Новостям не так просто пробиться к его порогу, и это не случайно.

Позади начинает дрожать и качаться из стороны в сторону меч, стучат по стене его сложенные крылья, но глаз остается закрытым. Годами он спал глубоким мирным сном, служил молчаливым спутником.

Мужчина поворачивается к мечу, улыбка сходит с его лица. Рассеянно он расчесывает старые шрамы – на ноге, на лице, на голове. На их заживление ушли годы. Годы усердной работы, чтобы построить новую жизнь, безопасное место для тех, кого он любит.

Внимание снова обращается к Веспер, беззаботно болтающей с козами. Нехотя он возвращается к работе, но стук меча не прекращается, тревожит, будто острый камешек в сапоге, постоянно напоминающий о себе. Он сжимает губы. Сжимает кулаки.

Меч в его комнате, дверь закрыта.

Этого недостаточно.

Он заворачивает меч в толстый слой ткани, заглушая издаваемый им стук. Этого недостаточно. Хотя меч больше не бьется о стену, его беспокойство выражается в полуоформленных звуках, слабых отзвуках, цепляющихся за уголки сознания.

Он оказывается у двери, на которую смотрит в упор, одной рукой начинает ее открывать, чтобы дотянуться до спящего меча. Ничего страшного, если он еще раз возьмет его, разбудит...

– Что ты делаешь?

Он вздрагивает, поворачивается и видит рядом сияющую Вesper. С ней каждый день – чудо. Как она выросла! Как стала похожа на мать...

Она наклоняет голову к плечу, пытаясь посмотреть ему за спину.

– Что ты делаешь?

Он выдавливает подобие улыбки, пожимает плечами.

– Ты в порядке?

Он кивает.

– Что там? По-моему, я слышала шум. Можно взглянуть? Там животное? Ему, кажется, плохо. Можно посмотреть?

Отмахиваясь от назойливых расспросов, он кладет руку ей на плечо и увлекает за собой, прочь от комнаты.

Позже, когда девочка отвлечется на что-то еще, он принесет в комнату ящик и более плотную ткань.

Но этого недостаточно.

* * *

Двадцать лет прошло с тех пор, как инфернали впервые прорвались в мир, но Разлом не утихал. Сквозь него регулярно просачивались искаженные сущности – поодиночке, парами, иногда потоком, – но он непрерывно рос: сантиметр за сантиметром, увеличивался, содрогался, снова расширялся.

И вот уже одиннадцать лет за Разломом наблюдает Самаэль.

Он стоит на груде ржавеющей машинерии: когда-то это был змей из механизированного металла, ныне – памятник ушедшему. Под его ногами местный мох ведет борьбу с постигшей его заразой. Пораженные участки – ноздреватые желто-бурые подушки – разрастаются методично и даже, кажется, вполне целенаправленно. Самаэль их не замечает, его внимание сосредоточено на Разломе. В первый раз он пришел сюда по наитию. Его звали едва слышимые голоса, нашептываемые сущностью. Он ценит свое чутье так же, как ценит свои привычки. Они задают направление.

Двенадцать лет прошло с его второго рождения, с тех пор, как его забрали у моря, и лишь волосы его остались прежними. Под броней скрыта бледная кожа, заостреневшая пародия на треснувший мрамор. Волосы – единственное, что есть в нем живого. Он затягивает их в хвост, который развевается из прорези в шлеме. Он знает, что создатель не одобрил бы подобного тщеславия. Эта мысль заставляет его вздрогнуть и улыбнуться.

Конечно, его создатель, его командир, был сражен Злостью, как и остальные рыцари Нефрита и Пепла, но это не мешает Самаэлю о нем думать. Или ждать одобрения. Хотел бы он, чтобы все было иначе.

Его броня – выкопанные на поле боя разномастные пластины, кое-как им соединенные. Уродливый и плохо сидящий доспех. Он чувствует, что так и надо. Вторая кожа, сделанная им самим. Он к нему привык. По крайней мере, *это* создатель точно бы одобрил – надеется он, но не уверен. После внезапной смерти командира он обрел свободу, но эта свобода таит в себе так много вопросов.

Из Разлома хлещет новая волна сущности. Когда-то разрыв не был виден с холма, а между его наблюдательным пунктом и расщелиной лежала деревня. Деревни больше нет, ее поглотила земля, утянула в неизведанные глубины далеко за пределы Разлома.

Самаэль не знает, откуда ему это известно. Он помнит здания, людей, помнит, как в их глазах затухал огонек надежды, когда он проходил мимо, оставляя их умирать. Эта вспышка в памяти – его и одновременно не его – исчезает так же быстро, как и появляется, оставляя внутри бурлящий клубок невнятных чувств.

Неохотно его сознание возвращается в настоящее.

Именно отсюда появляются демоны. Он не может отменить того, что с ним сделали, не может помешать продвижению инферналей на север, но здесь кое-что изменить он способен. Здесь он, по крайней мере, может остановить волну.

На краю Разлома начинают формироваться тени нерожденной сущности вместе с ратью мечущихся голодных уродцев, низших инферналей. Подобно парше, они расползаются по грязи в поисках пищи. Нерожденные духи пытаются пробить дорогу в мир, им нужны тела, чтобы закрепиться в этом измерении.

Самаэль усмехается: он знает, что у них ничего не выйдет.

Немногие оставшиеся трупы, те, в которые никто не вселился, он убрал еще несколько лет назад, обрекая новоприбывших инферналей блуждать у границ Разлома, медленно растворяясь и превращаясь в жуткие образы, не обретшие плоти.

Он наблюдал эту картину множество раз, и она никогда не надоедала.

Но сейчас что-то изменилось. Вторая волна нерожденных теней это подтверждает. Глаза полукровки видят в потоках сущности одни и те же завихрения. Да, они в отчаянии, как и обычно, но отзвук страха внутри призрачных вихрей – внове. Их пугает отнюдь не враждебный мир, в который они прорвались. Что-то другое. Что-то позади них.

Они бегут.

Земля содрогается от рокота, эта волна идет изнутри и добирается до металлического холма. Самаэль выставляет руки, чтобы сохранить равновесие, балансируя на волне вплоть до ее исчезновения. Вскоре рокот возобновляется, и небо застилает плотное черно-багровое облако сущности, выплюнутое Разломом.

Самаэля сбрасывает с холма, и он валится в грязь. Полукровка быстро поднимается, физической боли нет. Земля все еще содрогается, теперь без перерывов, а Разлом тем временем вздувается, пытаясь избавиться от бремени. Земля дрожит, исторгает плод, и реальность смещается немного дальше на север.

Тварь, что возникает, огромна, она пробивает измерения, которые не видны даже Самаэлю. Она велика и мала, сдержанна и безгранична. Но более того – у нее есть цель. Она способна существовать сама, не вселяясь в чужое тело, не рождаясь.

В мир пришла Тоска.

Самаэлю достаточно одного взгляда, чтобы понять, что это такое. Он потакает еще одной старой привычке и убегает.

* * *

Далеко на севере, за морем, в землях увядающей зелени, располагается Сияющий Град. Его границы образует невидимое поле, настроенное на инфернальную скверну, готовое ее сжечь. Внутри этого поля на склонах поросших травой холмов виднеются окна, намекающие на скрытые внутри туннели с транспортом и инфраструктурой. По бокам и на вершине устремленных ввысь серебряных колонн разместились ландшафтные сады. Внутри образуемых холмами и шпильями кругов раскинулось широкое открытое пространство. В центре его возвышались ступени – гладкие, сияющие. Длиной пятнадцать метров, они ведут в никуда. Следующие

шесть метров занимает гигантский металлический куб. Он медленно вращается, и его держат невидимые нити.

Куб полон секретов, в нем своя иерархия и свои заботы, касающиеся как этого мира, так и внешних миров.

В сердце его располагается святилище Семерых.

Даже здесь, в этом убежище, вдалеке от inferналей, они чувствуют дрожь земли. Даже здесь, обладая силой, запершись внутри сотканных из серебряной энергии стен, они тревожатся из-за происходящих в недрах земли и в сущности изменений.

Первым из Семи пробуждается Альфа, открывает ни с чем не сравнимые глаза, излучающие мудрость его создателя и опыт тысячелетий. Окидывает взглядом пять других альковов, каждый из них – дом, гробница бессмертных.

Медленно поворачиваются головы, чтобы поймать его взгляд, и каменные хлопья опадают с их лиц.

Они не говорят, они не поют, не сейчас – рано. Их сила здесь, она ждет, пока ее призовут, но для призыва не хватает воли.

Альфа чувствует вопрос во взглядах братьев и сестер. Явилась новая напасть. Они ждут его реакции. Он разминает пальцы, высвобождая их из каменной тюрьмы, и бросает взгляд на меч. Клинок зарыт, едва различимый в оболочке серого камня. Мечи его братьев и сестер не в лучшем состоянии – они обратились в камень, орошенный слезами, которые проливались в течение многих горестных лет.

Пришло время вновь их обнажить.

Альфа поднимает руку, остальные делают вдох. Пять напряженных рук, готовых к действиям.

Невидимая сила заставляет Альфу повернуться к третьему алькову. Когда-то там покоилась их сестра, Гамма. Ныне там пусто.

Для них она потеряна.

Потеряна.

То, что было для них незыблемо, изменилось с приходом Узурпатора. Если они пойдут на войну, повлечет ли эта опасность за собой другую? Сама мысль об этом невыносима. Альфа останавливает руку, опускает голову.

Пять рук разжимаются, шесть разумов успокаиваются, возвращаясь во тьму и сладкое забытие.

На расстоянии нескольких миль, сокрытое во тьме, завернутое в ткань, под слоем пыли, заточенное в дерево, открывается око.

* * *

В небе лениво парит птица, держа в клюве отчаянно извивающегося червяка. Взмахнув крыльями, она снижается, ловя воздушные потоки, и кружит около высокой колонны, на вершине которой располагается сияющий небесный корабль, чьи пушки превратились в заросли птичьих гнезд.

Их здесь быть не должно. Рабочие должны были их убрать, но инспекций не проводилось – ни в этом году, ни в предыдущие четыре. Никто снизу не видит верхушку небесного корабля, вот рабочие ее и не чистят. Этот недочет остается незамеченным. Есть и другие. Мелкие изъяны медленно разлагающейся Империи Крылатого Ока.

Воздух пронзают резкие крики – дай поесть! Птица не обращает на них внимания, направляясь к собственным детям, и кидает червяка трем раскрытым клювам, прежде чем воздушные потоки вновь уносят ее навстречу новым приключениям.

Гораздо ниже и несколькими милями дальше за птицей через старую потрепанную подзорную трубу наблюдает девочка. Ее зовут Веспер, и от желания дойти до колонны у девочки зудят ноги, а руки чешутся на нее вскарабкаться. Но колонна, как и всё в Сияющем Граде, под запретом. Всё здесь – лишь смутно различимые картинки, не реальнее сказок дяди Вреда.

Веспер засовывает визор в карман и оглядывается в поисках вдохновения. Ничего не найдя, вновь возвращается взглядом к птице и с завистью за ней следит, пока кривая линия ее тела не становится черной точкой. Вскоре и она пропадает. Без нее небо выглядит пустым и скучным.

Она юна, она защищена, она отличается от остальных, поэтому она играет. Расправляя руки и размахивая ими словно крыльями, Веспер бежит. Но никакое рвение не в силах победить физику, и она остается на земле, на потеху козам, заполонившим луга.

Тяжело дыша, она добирается до границ своего мира. Дальнейший путь ей преграждает не очередное энергетическое поле, а простой забор и память о бесчисленных предупреждениях ее семьи.

Веспер делает шаг вперед. Для преодоления этого препятствия крылья уж точно не потребуются! Брошенный через плечо взгляд убивает план в зародыше. Отец стоит у дома, янтарные глаза ищут ее. С самым невинным видом Веспер машет рукой. Отец жестом зовет ее домой.

Она любит отца и дядю сильнее, чем может выразить, но иногда ей хочется, чтобы они исчезли. Не навсегда. Всего на часик или на полдня. Плетясь вверх по холму, она представляет, какие чудеса могут принести эти полдня.

Однако не успевает она дойти до дома, как ее внимание привлекает злобное блеяние.

– Ну началось, – бормочет Веспер и срывается с места.

Несколько метров козлы бегут вместе с ней, но потом останавливаются, зная свое место.

На вершине холма рядом с ее домом находится здание поменьше. Внутри по всему полу разбросаны подношения – как почти неопознаваемые остатки, так и сжеванные лишь наполовину. По полу тонким прозрачным блином расплзся куб из мутигеля. Его частично прикрывает одеяло. Сверху, покачиваясь, стоит коза, ее живот раздут. Темные глаза холодно смотрят на Веспер. Коза старая, слишком старая для таких глупостей, и все же они продолжают. Она не знает, кого следует наказать за последнюю из долгой цепочки беременностей, и поэтому стремится укунить каждого, у кого хватит неблагоразумия подойти достаточно близко.

Веспер довелось проверить это на себе. Она останавливается на пороге, рассеянно трет старый шрам на руке.

– Не смотри на меня. Я не виновата.

Роды проходят быстро – всего лишь несколько мгновений схваток и потуг. В этот мир проскальзывает новорожденный – подозрительно тихий, закутанный в плаценту, будто в саван.

Коза неодобрительно на него смотрит и ждет. Во время первых беременностей она еще заботилась о детях, но теперь и она кое-что поняла.

– Давай! – поторапливает Веспер.

Коза ее игнорирует.

– Немедленно!

Ноль реакции.

Выругавшись, Веспер достает из кармана обрывок ткани и обтирает слизь с головы у козленка. Наученная опытом, она знает, что надо прочистить рот и ноздри. Веспер снова ругается, произнося услышанные где-то причудливые взрослые слова. Постепенно слизь вычищена: меньшая часть ее оказывается на полу, большая – на штанах у Веспер.

У козы победоносно сверкают глаза, и она уходит к двери искать выбившиеся травинки. А козленок все не шевелится, мокрый комок – не вполне мертвый, но и не совсем живой. Веспер его гладит.

– Давай, ты сможешь. Дыши ради меня.

Она ни на секунду не замолкает, продолжая его гладить. Девочка не знает, слышит ли он ее, помогают ли ее действия, но все равно продолжает.

Коза раздраженно стучит обрубком хвоста и подсакивает ближе. Быстро осматривает ребенка, вновь стучит хвостом и лягает сына.

Вздвигнув, козленок оживает, глотает воздух, тихо хнычет. Веспер сердито смотрит на козу.

– Неужели это было так необходимо?

Коза и ухом не ведет.

Забыв об ушибе в приступе внезапного голода, козленок переводит взгляд с одной фигуры на другую, выжидательно открыв рот.

– Я так понимаю, ты не собираешься его кормить?

Веспер засучивает рукава.

– Так я и думала.

Опасаясь возмездия, Веспер хватает ближайшее ведро и начинает доить козу.

Слишком измученная, чтобы сопротивляться, коза решает проявить милосердие.

Закончив, Веспер поднимается с ведром наперевес.

– Я принесу бутылку, никуда не уходи, хорошо?

Козленок смотрит, как она исчезает. Поворачивается к другой маме, но той уже тоже не видно. Высунув язык, он неуверенно болтает головой. Делает первые шаги, натывается на козий загон.

Оттуда доносится глухой удар, потом визг.

Козленок шарахается и убегает, спасая свою жизнь. Взглянуть назад он не осмеливается.

Из кухни доносится стук медных мисок, похожий на перезвон колокольчиков, и мягкий голос. Веспер прислушивается к словам и замирает, затаив дыхание. Она не идет дальше и не здоровается, решив подождать. Если они не будут знать, что она здесь, то не станут притворяться другими, и это поможет приоткрыть завесу над их секретами.

Как обычно, говорит дядя Вред, пока ее отец в чем-то копается, пытаюсь привести извечный кухонный хаос в некое подобие порядка.

– Сегодня к нам опять заходил посланник от Линз. Они хотят знать, всё ли в порядке. Я заверил парня, что все просто отлично. Он засыпал меня стандартными вопросами, но в этот раз я чуял – что-то не то. Он нервничал и постоянно почесывался. Прямо так и подмывало налить ему рюмочку. Похоже, бедняга устал от вечного стресса. Думаю, они все там, наверху, такие. Но, ясное дело, мне он ничего не сказал.

Что-то тихо зажуужало. Наверное, отец драит полы.

– Уверен, – продолжает Вред, – если бы ты сам пошел и поговорил с ними, мы бы точно узнали больше. Как-никак они здесь из-за тебя.

Чистящее устройство переключают на повышенную мощность, теперь оно жужжит громче и раздражает сильнее. Веспер снова задерживает дыхание и осмеливается заглянуть на кухню.

Дядя Вред сидит в большом кресле, из кружки на его коленях поднимается пар.

Он повышает голос, умудряясь сохранить спокойный тон.

– Я знаю, ты уже все решил, но нам не помешало бы узнать, что происходит. Может, поговоришь с ними? Пожалуйста. Тогда я был бы спокоен. И подойди сюда, ненавижу разговаривать с тобой, когда ты далеко.

Жужжание машины затихает, замедляется и сходит на нет. Широкие плечи опадают. Когда отец поворачивается и хромотает через кухню, Веспер отпрыгивает назад. Его волосы уже отросли. Веспер провела много вечеров, наблюдая за тем, как дядя Вред расчесывает темные с проседью длинные пряди. Но даже сейчас они не закрывают шрамы посреди макушки. Веро-

ятно, это поправимо, так же как и выбитые зубы, как и рубцы на ногах, но отец никогда не соглашается ни на какие операции. Вред говорит, что отец упрям как баран, отчего тот улыбается. Но решения никогда не меняет.

Вечер нравятся его шрамы. Они – свидетельства другой жизни. Когда отец был храбрым рыцарем, о котором рассказывает дядя, а не уставшим человеком, который слишком много хмурится.

Он останавливается у кресла, прислоняется к нему, наклоняется. Пальцы Вреда тянутся вперед, ища лицо.

– Вот ты где. – Пальцы скользят по лицу: по заросшему подбородку, по гусиным лапкам в уголках глаз. Он находит пересекающие лоб морщины и разглаживает их.

– Им известно, что ты не собираешься вновь сражаться. Никто от тебя этого не ждет. Но мне кажется, нам следует знать, что происходит, просто на всякий случай.

Мягкие руки перехвачены грубыми. Оба наслаждаются моментом покоя.

Как обычно, тишину нарушает Вред:

– Я слышу кое-что. От людей, приносящих нам подношения. Их не так много, как раньше, но некоторые все еще приходят. Видимо, Сонорус провозгласил независимость, и Первый ее признал. Пока что Империя не давала официального ответа, но в любом случае он ничего хорошего не сулит. А ты слышал, что творится на юге? Ходят слухи, что...

Руки освобождаются. Янтарные глаза замирают на двери. Их взгляд обращен на попавшуюся Вечер. Она быстро улыбается и входит, откашлявшись.

– И что это за слухи, дядя?

– А, Вечер, – следует радостный ответ, – это всего лишь слухи, ничего серьезного. Как поживает коза?

– Хуже. В этот раз даже не подумала заняться ребенком. Если бы я не пришла, он бы погиб.

– Это уже третий тобой спасенный, верно?

– Вообще-то пятый. Но она с каждым разом делает все меньше.

– Сомневаюсь, что в ее возрасте у меня получалось бы лучше.

– Дядя, а сколько ей лет?

Ни с того ни с сего оба мужчины улыбаются.

– Кто знает. Но много. Будь она человеком, давно бы перестала рожать, это уж точно.

– Ну, она их, конечно, рождает, но не кормит. Мне нужна бутылка.

– Бери.

Руки треплют ее по голове, когда она проходит мимо. Вечер чувствует, что отец за ней наблюдает, и старается двигаться побыстрее. В спешке она выпускает соску, и та падает.

– Что-нибудь слышно из Града?

– Почему ты спрашиваешь?

Она приседает, чтобы поднять соску.

– Мне кажется, я видела, как к нам кто-то приходил.

– Это так, у нас в самом деле был гость. И в самом деле из Града.

– Что он сказал?

– Немного.

– Но что-то же он сказал.

– Ты знаешь, как это обычно бывает – вечно случается всякая всячина.

Вред слышит, как она в предвкушении задерживает дыхание.

– Но ничего такого, о чем нам следовало бы волноваться, – быстро добавляет он.

– А-а... – Как обычно ничего не узнав, она поднимает соску с пола и уходит.

Сытый и довольный козленок засыпает на руках у Вечер.

Она сидит на нижней ступеньке, с улыбкой его баюкая, пока ее собственный живот не начинает требовать внимания. Козленок ворчит, когда она опускает его на землю, но не просыпается. Вечер с облегчением вздыхает и прокрадывается в дом. Ее воображение уже рисует сочные картинки, от которых текут слюнки.

По привычке она прислушивается к звукам на кухне, но оттуда доносится лишь тихое похрапывание. Заглянув внутрь, она видит спящего дядю Вреда, сгорбившегося в кресле.

Храп продолжается: сон не тревожит ни стук приборов, ни довольное чавканье.

Покидая кухню, она слышит доносящийся из кладовки звук и замирает. Дверь приоткрыта, но недостаточно, чтобы заглянуть внутрь. Внутри нее борются любопытство и страх. Она вновь что-то слышит – негромкий скребущий звук – и не может его опознать. Кто бы ни был в кладовой, он двигается тихо и осторожно.

Наверное, это отец. Интересно, что он задумал. Она тянет дверь и молится, чтобы та не скрипнула. Опыт научил ее: если хочешь узнать правду, то лучше искать ее самой, а не задавать вопросы. Просвет расширяется медленно, сантиметр за сантиметром.

Когда Вечер заглядывает внутрь, ее глаза округляются значительно быстрее.

Он стоит к ней спиной со сжатыми кулаками. Возле его ног раздается низкий звук, похожий на гудение злого шершня.

Постепенно он начинает трясти головой из стороны в сторону, и гудение нарастает.

Она ощущает напряжение в воздухе, видит, как невидимые руки утягивают отца, как он сопротивляется, отклоняется, будто сражаясь с бурей.

Снова трясет головой, быстрее и уже менее уверенно. Его челюсть двигается, но даже если он что-то и говорит, то слишком тихо, чтобы услышать.

По-видимому, что-то рушится, и отец в отчаянии быстро нагибается. Раздается звук захлопнувшейся крышки ящика.

Гудение становится тише, но не затихает.

Отец тяжело опирается на ящик, затем встает.

Вечер отскакивает от двери, но поздно – отец ее увидел. От него никогда не скрыться.

Вечер принимает, как она надеется, нейтральное выражение лица.

– Ты в порядке?

Он шагает к двери и коротко кивает. Его янтарные глаза налились кровью, опухли, и она задумывается, не плакал ли он.

Мгновение они смотрят друг на друга, и Вечер понимает, что должна что-то сказать, поговорить с ним. Она понятия не имеет, с чего начать, и вместо этого слабо улыбается.

Отец уже готов вынести ей наказание, и она надеется, что хотя бы сейчас он ей откроется, но он сразу же закрывает рот и снова резко кивает.

Дверь между ними захлопывается.

Сердито бурча, Вечер плюхается в траву на холме. Козленок садится рядом.

– Это нечестно! – восклицает она, и козленок испуганно на нее смотрит. – Он никогда мне ничего не рассказывает. И никогда не разрешает никуда ходить, не разрешает ничего делать. Я уже устала от коз и травы, – чтобы смягчить свои слова, она гладит козленка по голове. – Но ты очень милый.

Этот вечер она проводит, наблюдая за горизонтом в трубу. Вглядывается в далекие очертания Сияющего Града, надеясь разглядеть отблески места, о котором она знала из рассказов дяди, но в котором никогда не была. Сегодня ее усилия вознаграждаются. Вот собирается в круг группа молодых людей. Она настраивает визор на максимальное приближение, чтобы разглядеть детали. Их одежды похожи – белые, без украшений: в Сияющем Граде мода не предназначена для молодых, и они все носят одинаковые стрижки. В том, как они стоят, есть что-то официальное, и ей интересно, чем они заняты.

Способ построения кажется знакомым, и чип у нее в голове начинает свою работу. Он анализирует группу, строй, возраст, и в голове у Веспер вспыхивает подходящее слово: хор. В Сияющем Граде всех молодых людей с детства группируют в хоры, чтобы предотвратить их чрезмерную привязанность к семье. Каждые шесть месяцев состав хора меняется, чтобы в группе не возникали социальные связи. Таким образом обеспечивается верность империи.

Веспер не знает о социальной инженерии, не понимает, что во всех этих людях подавлена индивидуальность. Она видит тайну – и хочет еще.

Какое-то время девочка наблюдает, подмечая каждое движение и каждый жест. Она понятия не имеет, о чем они говорят, но уверена, что каждое их слово волшебное.

Она не замечает человека, пока он практически вплотную к ней не подходит. Веспер в трубу видит его бледную кожу, и в приближении он кажется ей гигантом. С визгом она падает на спину, а козленок шугается и уносится вверх по холму, исчезая из вида.

Смутившись, она садится и снова глядит на незнакомца. Если смотреть на него не через трубу, то он не такой страшный. На нем плотное черное одеяние, а с воротника гордо смотрит крылатый глаз. У незнакомца жесткие рыжие волосы, стремящиеся выбиться из-под обруча, особенно на затылке. Один из Линз, так же, как и гость, о котором говорил дядя.

– Здравствуйте, – произносит Веспер, нерешительно поднимая руку в приветствии.

Мужчина переводит взгляд на нее, сидящую выше по холму.

– Добрый вечер, Веспер.

– Вы знаете мое имя?

– Да, мы встречались. Очень давно. Я однажды выручил твоего отца и сделал так, что он смог попасть в Шестикружье и перебраться через море. Меня зовут Дженнер, он хоть когда-нибудь обо мне говорил?

– Не-а.

Дженнер замирает.

– Как я сказал, это было давно.

– Вы пришли к нему?

– Я пришел ему помочь. По крайней мере, попытаться, если он позволит.

Веспер кивает, хорошо понимая, что он имеет в виду:

– Вы тоже считаете, что ему нужна помощь?

– Я чувствую, что скоро понадобится. Как думаешь, у тебя получится убедить его выйти и поговорить?

– Не знаю. Он...

– Он что? Это очень важно, Веспер.

Слова появляются и исчезают – ни одно не годится. Она пожимает плечами.

– Сложно. Что-то происходит, но я не знаю что: он же никогда мне ни о чем не рассказывает.

Мужчина садится рядом, и, пока он говорит, оба смотрят на город.

– Я из Линз. Мы следим за порядком, и если он нарушается, то посылаем рыцарей-серафимов и армию Крылатого Ока туда, где они нужны, чтобы защитить нас.

– Вы знаете рыцарей-серафимов?

– О да. Я даже иногда отдаю им приказы, – пару мгновений он наслаждается восхищением на лице у Веспер, затем вздыхает.

– На юге что-то происходит. Семеро в святилище это чувствуют, и мы уверены, что меч Гаммы тоже это ощущает. Нам нужно, чтобы твой отец вновь взял в руки меч, и я сделаю все, чтобы в этот момент он был не один.

Веспер сохраняет спокойствие. Над ней проносятся нелепые пушистые облака.

– Это опасно?

– Да.

– А если он не захочет?

– Это не важно. Больше некому.

Он переводит взгляд с неба на нее.

– Хотел бы я вломиться в дом и приказать ему нам помочь. Но твой отец избран Семейными, что ставит его выше меня. Мне нужно, чтобы он пришел по собственной воле. Мне нужно, чтобы ты с ним поговорила.

Она поднимается.

– Мой отец – герой. Когда он поймет, насколько плохи дела, он поможет, я уверена.

– Так ты с ним поговоришь?

– Да.

Она поднимается на холм, и Дженнер машет ей вслед.

– Да хранит тебя Крылатое Око.

Во время ужина стук ножа о тарелку режет ухо, жевание раздражает. Вред шутит меньше обычного, а взгляд ее отца прикован к почти нетронутой еде. Веспер переводит взгляд с одного на другого, не уверенная, что у нее получится. Тем не менее она решает попытаться.

– Я тут подумала, раз я уже выросла, то, может, пора увидеть мир?

Отец хмурится.

Вред ищет ее руку, находит, сжимает.

– Мы с твоим отцом недавно обсуждали, как быстро ты растешь – отвернуться не успеешь!

Отец хмурится сильнее.

– Но чтобы там с тобой ничего не случилось, – он кивает в сторону Сияющего Града, – тебе надо, как нам кажется, еще кое-чему научиться. Чтобы ничего не...

– А если вы пойдете со мной? Оба. Мы могли бы отправиться в Сияющий Град. Это недалеко. Так и я там побываю, и вы будете знать, что со мной все в порядке.

Отец поднимается, собирает грязные тарелки, а Вред отвечает:

– Сейчас не самое подходящее время.

Лицо Веспера омрачается.

– Оно всегда неподходящее.

– Так может показаться, знаю.

– Я уже не ребенок.

Отец, вздернув бровь, оборачивается.

– Я не ребенок! Я знаю, что-то происходит! И хочу помочь.

Она чувствует их тяжелые внимательные взгляды и колеблется.

– Сегодня я говорила с человеком из Линз. Он сказал, что дела плохи. Сказал, им нужно, чтобы ты снова стал героем, каким был когда-то, но на этот раз я хочу пойти с тобой.

Отец качает головой, и она осекается. Скоро голос к ней возвращается, однако решительности в нем нет.

– Ты собираешься меня оставить.

– Не волнуйся, – успокаивает Вред, – мы тебя не оставим. Никто никуда не едет. Всё в порядке.

– Тот человек говорил иначе.

Вред печально кивает.

– Там всегда что-нибудь не в порядке. Даже до Разлома там была то война, то чума, то наводнение и Семеро его знает что еще. Мы не в состоянии позаботиться о мире.

Она смотрит на отца.

– Мы научены горьким опытом. Но мы можем заботиться друг о друге.

– Он сказал, что это должен сделать отец. Сказал, что больше никто не может взять в руки меч Гаммы.

– Этот меч сам умеет говорить. Если бы он хотел, чтобы его вновь использовали, мы бы уже знали.

– Но он хочет!

– Сомневаюсь.

– Я его слышала, отец – тоже.

– Довольно, – остерегает Вред.

Она смотрит на отца, ища подтверждения, но видит только его спину, пока он моет посуду. Отражая настроение отца, подобно зеркалу, Веспер хмурится. В глазах от досады встают слезы, разговор окончен – резко, безрезультатно, ни слова не сказано о Дженнере или угрозе Сияющему Граду.

Хмурое выражение лица не покидает ее ни на минуту, оставаясь с ней до конца дня.

Веспер резко просыпается, сердце у нее колотится. Она садится и всматривается в уютную тьму комнаты. Никого, что удивительно. Она была уверена в обратном. Босые ноги касаются холодного пола, и она неслышно подходит к окну. Единственные огни светят далеко и не способны пронзить заполненный тьмой ров у подножия холма.

Кажется, дома тихо. Веспер ждет, пока сердце успокоится, и прислушивается. Улавливает бормотание дяди Вреда и одновременно... что-то еще. Веспер хмурится, не в состоянии понять источник звука. Похоже на гудение, которое скорее ощущаешь, чем слышишь. Оно будоражит. Звук отпечатался в памяти с утра, как и страх на лице отца.

Что касается умения красться через дом, то Веспер овладела им в совершенстве. Скрипучие половицы она избегает, препятствия – обходит или перешагивает. Ее дверь открыта как раз настолько, чтобы бесшумно протиснуться наружу. Вскоре она проскальзывает мимо комнаты родителей.

– Тсс, – произносит дядя.

Охваченная паникой, Веспер не шевелится, пока не осознаёт, что реплика предназначалась не ей.

– Это всего лишь сон. Я с тобой. Веспер спит в соседней комнате. У нас все хорошо... Тсс... Спи.

Вопреки здравому смыслу, Веспер осмеливается заглянуть внутрь. Дядя Вред, приподнявшись на локте, лежит рядом с ее отцом и гладит его по лбу. Глаза отца закрыты, что немного успокаивает Веспера.

Когда отец вновь проваливается в сон, с его лица уходит всякое напряжение, отчего он кажется моложе. Не молодым, решает Веспер, но моложе, чем обычно.

Она не останавливается, чтобы понять, притворяется дядя или действительно не подозревает о ее присутствии, и быстро сбегает по лестнице, настроенная хоть как-то помочь.

С ее последнего визита в кладовую у двери появились ящики, блокирующие вход. Нетренированным рукам они кажутся тяжелыми, и ей не удастся избежать тяжелого стука. Она морщится каждый раз, когда ящик ударяется о пол, и ожидает характерного звука, означающего, что отец или дядя ее услышали.

Но наверху все спокойно.

Обливаясь потом, она убирает последнее препятствие и заходит внутрь. Помещение тесное, больше похожее на шкаф, чем на жилое пространство. На ящиках валяется всякое барахло. Веспер принимается сбрасывать хлам на пол, периодически отвлекаясь на что-нибудь интересное. Ее внимание привлекает старый резиновый мячик. Она его сжимает, из него выходит воздух. Этот звук умиротворяет. Она вдыхает, ей нравится едва заметный специфический запах. Есть тут и другие вещи, незаконченные резные изделия отца. Например, улыбающийся

рыцарь с выпирающими мускулами. Большинство фигур – женщины, нечеткие, так и не оформившиеся образы.

Когда она поднимает первый ящик, гудение немного усиливается.

С присущим юности воодушевлением она быстро расправляется с завалом. Ящики нагромождены один на другой позади нее, беспорядочно навалены на кухонном полу. Без них кладовка кажется просторной.

Веспер хмурится и вновь прислушивается. Обыскивает доступные теперь углы, но находит лишь давно покинутые пыльные паутины.

Ничего. В кладовой пусто.

Воодушевление проходит так же быстро, как и появляется. Веспер опускает голову. Однако гудение продолжается – реальное, но невидимое. Она чувствует его ступнями. Возбуждение накачивается с новой силой. Веспер ложится щекой на пол и замечает, что одна доска подогнана не до конца. Она ее ощупывает, пока наконец не находит выемку, чтобы подцепить. Поднимает доску, видит под ней пустоту. Поднимает еще две – ей открывается неглубокая полость, выложенная пластиком. Она решается дотронуться до него и пальцами чувствует гудение.

Действуя теперь более осторожно, с трепетом она убирает подкладку и обнаруживает под ней длинный пыльный ящик и пару старых сапог. От них исходит крепкая смесь запахов – сырости, застарелого пота и других, куда менее приятных. Тем не менее Веспер их надевает. Пытается в них пройти, воображая себя таинственным путешественником. Но вскоре сапоги с глухим стуком слетают с ее маленьких ножек один за другим. Они остаются стоять, практически окаменевшие от перенесенных приключений.

Ящик тяжелый, и достать его непросто. Дважды он выскальзывает из рук, вновь оказываясь в тайнике под наклоном. Она не предпринимает третью попытку, а вместо этого склоняется над хранилищем и бьет в слабое место. Пока Веспер его открывает, крышка протестующе скрипит. Поднимается облако пыли, предвещая кашель. Он не заставляет себя ждать – Веспер кашляет один раз, второй, третий.

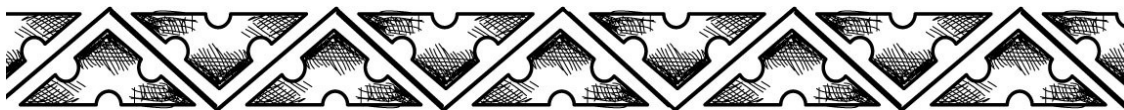
Пустоту в ящике заполняет старый плащ. Веспер его вынимает. Он поношен, но ткань крепкая, внушает доверие. Местами плащ состеган. Внизу – подпалины и следы от зубов, оставленные оскверненными псами и иномирными огнями. Она надевает плащ. Он слишком ей велик, почти как халат. То, как Веспер сейчас выглядит на самом деле, совершенно не соотносится с тем, что она сама себе представляет, и, ухмыляясь, она решает его не снимать.

И лишь потом она наконец смотрит вниз.

Настойчивое гудение сменяется довольным урчанием. На дне ящика лежит меч. В ножнах. Серебристые крылья обнимают эфес, тянутся ей навстречу. Раскрытые, они обрамляют глаз на гарде – смотрящий, выжидающий.

Тысячу сто тридцать семь лет назад

Во время багровой бури, когда облака похожи на паучьи кладки, а небо подобно бездонной глотке, на свет появляется ребенок. Он один способен увидеть бурю. Для других небо такое же, как и обычно – подернутое дымкой светового загрязнения и смога.

Никто не понимает, почему девочка так плачет. Вокруг стеклянной капсулы, изучая ребенка, толпятся специалисты. Выглядит она здоровой, легкие сильные, сердце хорошее. Руки и ноги в полном порядке. Специалисты качают головой, решая, что все дело в характере, и это просто эмоции. Они вкалывают девочке снотворное, и, разумеется, она успокаивается.

Проходят годы, ей приписывают имя, гендер и социальный класс. Малышка становится девочкой, Массасси, и ее определяют в низшие эшелоны среднего класса. Ее куратор предупрежден о склонности девочки к необоснованным срывам и уполномочен при необходимости колоть успокоительные.

Девочка становится ученицей механика, и ученицей умелой. В нежном возрасте восьми лет ее отправляют работать на гигантские строительные механизмы, где она, устраняя неполадки, пролезает во все углы и щели. Это опасная работа. Механизмы автоматизированы и работают строго по графику. Они останавливаются редко – и то на очень короткое время. Ты или быстрый, или мертвый. Она носится между поршнями, устраняя заторы, заменяя изношенные детали, просачиваясь туда, куда более крупным взрослым не пролезть. Для первогодки она довольно проворная.

Возможно, то, что ей доверяют смертельно опасную работу, является знаком уважения, а возможно, это потому, что она не ладит ни с ровесниками, ни с куратором. Массасси – сердитая, молчаливая девочка. Слишком умная для своего возраста, но пока все же недостаточно умная.

Ей нравится риск, сопровождающий работу. Она обнаруживает, что овладевающая мыслями злость, что преследует ее ночами, удовлетворяется ежедневными столкновениями со смертью.

Здесь нет свободного времени, нет выходных, но у всех рабочих есть обязательные паузы – идеально рассчитанная смена деятельности для повышения производительности труда. Больше всего на свете она боится обязательных общественных собраний. Однажды, после трех таких встреч подряд, Массасси одолевает настолько сильная злость, что она начинает ломать вещи. Тут же на приборной панели ее куратора звучит сигнал тревоги, и он шепчет приказ.

Срабатывают вживленные в спину Массасси дозаторы, и злость покорно отступает.

Она мало что помнит о том времени, но так даже лучше. Когда она требует себе сверхурочную работу, куратор не особо проверяет, не опасно ли это для нее.

Массасси одиннадцать лет – именно тогда и происходит несчастный случай.

Ее мысли где-то далеко, разум затуманен, эмоции свободно перетекают одна в другую. Ей нужно починить плечевые моторы Жнеца высшего уровня 4879–84/14, но она хочет только одного – разломать их. Впервые девочка задумывается, почему она иная и что, если в этом нет ничьей вины.

Даже малейшая задумчивость опасна. У Массасси она подкрепляется усталостью и суицидальными наклонностями. Она с опозданием понимает, что Жнец просыпается. Массасси

пытается уклониться, но рукав цепляется за проводку – проводку, которую она в обычной ситуации починила бы.

Она не может освободить руку.

Моторы ревут, лезвия вращаются, огни горят.

Жнец движется.

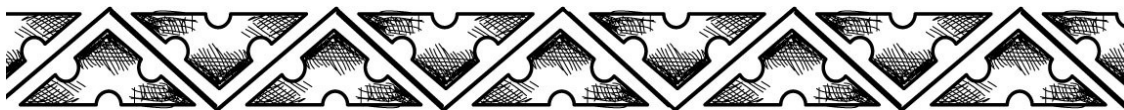
Массасси кричит.

Кровь размазывается по металлу, кости перемалываются в бледный порошок.

На приборной панели ее куратора звучит сигнал тревоги.

Глава вторая

Мысли приходят подобно приливу с далекого берега. Приближаются, становятся все громче, все настойчивее. Постепенно они обретают форму, прорываясь сквозь туман, руша заклятие.

Вновь обретши ясность сознания, Веспер понимает, что склонилась над тайником, а руки, застыв в нескольких сантиметрах от оперенной рукояти эфеса, полностью повторяют движение направленных вверх крыльев, подобно танцорам в преддверии выступления.

Девочка моргает, меч – нет.

Несколько мгновений он осуждающе смотрит на нее, затем, потеряв интерес, глаз закрывается. Вероятно, он ждет не ее.

Она думает об отце, который утром стоял на том же месте, и начинает понимать, почему он боялся.

Хочется снова заставить комнату ящиками и уйти прочь, но она понимает, что это не поможет. Меч все так же будет звать и мучить отца. Он уже измотан, и всего лишь вопрос времени, когда он уступит.

Надо что-то делать.

Она сглатывает, понимая, что приняла решение.

Меч должен отсюда исчезнуть. Она намерена отнести его Дженнеру, и пусть он сам думает, что делать. В конце концов, рыцарей много. Они найдут кого-нибудь и отдадут ему меч. После чего она вернется домой и снова будет в безопасности. Отец будет свободен.

Она относит меч на кухню и возвращает ящик в кладовку, прикрывая его половицами. Затем заносит ящики обратно, стараясь поставить их, как было. Закончив, закрывает и запирает дверь, как это утром сделал отец.

Если повезет, он никогда не узнает, что случилось.

И, только закончив, она осознает, что до сих пор не сняла старый плащ. Пожимает плечами и, счастливая, решает его оставить.

Веспер крадется обратно к себе, быстро и бесшумно одевается. Последним она берет меч, заворачивает его в старый лист пластика. Опасаясь, что он снова может проснуться, старается как можно меньше его касаться, особенно избегая эфеса и дергающегося глаза.

Открыв дверь, девочка ощущает холодное дуновение ветра на щеках. Вздвигнув, она выдвигается, не замечая маленькую скрюченную фигурку у двери. Услышав звук ее шагов, козленок открывает глаза и вскакивает. Смотрит вокруг, забыв про сон при виде своей доброй мамы, и идет за ней.

Обе фигуры вскоре поглощает ночь.

Меч легче, чем кажется, но все равно тяжелый для юной девочки. В темноте знакомая дорога становится чужой, и Веспер спотыкается, спускаясь с холма, ноги заплетаются, сверток подпрыгивает в руках. Несмотря на пластиковую защиту, лезвие больно впивается в предплечья.

На полпути она останавливается, вновь оглядывает меч, уверенная, что там, под четырьмя слоями пластика, он смотрит назад. Сглатывает, шмыгает носом. Пыль щекочет

ноздри, она вытирает нос рукавом и обнаруживает, что ее новый плащ грязный. Накатывает желание чихнуть.

Паранойя заставляет ее обернуться. Но вместо глядящего из окна отца Веспер обнаруживает возле себя козленка.

Переноса вес меча на одну руку, другой она указывает на вершину холма.

– Иди, марш отсюда! Тебе со мной нельзя. Иди домой.

Теплая макушка утыкается ей в руку.

– Нет. Тебе нужно домой. Тебе нужно... – Веспер осекается, понимая, что начала гладить козленка.

– Думаю, мы быстро вернемся. Уверен, что хочешь со мной?

Козленок смотрит на нее глазами, полными любви и голода.

Она вздыхает, возвращается домой за бутылкой молока и спешит назад.

– Ну тогда пошли.

Вместе они продолжают путь, осторожно ступая по неровной почве. Несколько раз она спотыкается в темноте.

– Тупица! Надо было брать палку.

Козленок блеет, надеясь, что его покормят.

– Не волнуйся, я уверена, мы найдем дорогу.

Будто в ответ, у подножия холма загорается огонек, освещая человека в темной форме, украшенной лишь знаком с крылатым глазом на воротнике. По мере приближения фигура принимает знакомые очертания: Дженнер. Он светит на них.

– Веспер? Какого?..

Он направляет свет на меч, затем вновь на лицо Веспер.

– Что ты делаешь с реликвией Семи?

– Простите! – выпаливает она. – Я должна была, я...

Внезапно его лицо светлеет.

– Он выбрал тебя! – восклицает рыцарь. – Мы думали, что он позовет твоего отца... Но он позвал тебя! Ты... ты новая хранительница.

Застигнутая врасплох, она кивает, соглашаясь с полуправдой, таращась на дом, чтобы не выдать себя.

Он преклоняет колено, опускает голову. Рыжие волосы ведут себя неподобающе, выбиваются из хвоста, делая прическу похожей на злобный куст. Он говорит нараспев, мягко, мелодично. Значение слов ей непонятно. Дженнер поднимает взгляд.

– Слава Семерым. Хранительница, мы должны...

– Я? – она подавляет смех. – Я не... Я просто подумала, ну, если мой отец не хочет брать этот меч, я должна отдать его кому-то, кто хочет.

– Веспер, ты не понимаешь. Меч позволяет тебе касаться себя. Он выбрал тебя.

Она вспоминает, как смотрел на нее глаз, и не верит Дженнеру.

– Думаю, да. – Веспер с опаской оглядывается назад.

Позади Дженнера мерцает воздух, как будто наступил рассвет. Мгновением позже пространство заполняет небесный корабль. У Веспер округляются глаза: она видит отраженные на складываемых крыльях звезды, где, ворча, вращаются спаренные двигатели.

Дженнер ухмыляется.

– Я сказал то же самое, когда впервые его увидел.

На козленка корабль произвел меньше впечатления, и он ныряет за Веспер, ища укрытия.

– Ты готова, хранительница?

С одной стороны небесного корабля открывается дверь, откидываясь наверх.

– Сюда, – говорит Дженнер, указывая на дверь. – Мы тебя ждали.

Вечер позволяет увести себя на борт, на мгновение запнувшись, когда в голове вспыхивают мысли о родителях, как они расстроятся, разочаруются, и представляет то самое выражение на лице отца.

Козленок паникует. Прежде чем он принимает решение, девочка и мужчина уже оказываются внутри. С воплем козленок мчится за ними.

Дверь закрывается прямо перед его носом.

Козленок снова вопит.

Двигатели ускоряются, зажигая огни, забирая вес корабля, готовясь к прыжку в небеса.

Дверь вновь открывается, в ней появляется голова Вечер.

– Прыгай давай!

Теперь козленок не раздумывает.

Как только он запрыгивает, дверь снова закрывается. Огни пульсируют, вылетают из турбин, трава прибивается к земле. Корпус корабля вибрирует, воздух вокруг теряет четкость.

Через мгновение корабль исчезает.

Начинается восход первого солнца, и воздух окрашивается золотом. Солнечный луч освещает дом на вершине холма. В доме тихо, атмосфера напряженная. Открывается дверь, и из нее выходит мужчина. Он быстро дохрамывает до меньшего дома и заглядывает внутрь.

На него таращится пара темных глаз.

Он не обращает внимания и возвращается в дом. Проходят минуты, и он снова появляется, на этот раз – с вырезанным вручную посохом. Дерево износилось от использования, подобно самому мужчине, который держит его в руках. Он стремительно уходит, морщась с каждым шагом, янтарные глаза что-то выискивают в траве.

Вред выходит вскоре после него, но двигается медленно. У него тоже в руках посох, но он не опирается на него, а прочесывает землю перед собой, ища неровности, отчего палка слегка подпрыгивает.

– Нашел хоть что-то?

Отец Вечер не отвечает, продолжая изучать землю.

В грязи нетрудно найти беспорядочные следы. Мрачно кивнув, он идет по ним.

Когда он достигает подножия холма, облака окрашивает красное зарево второго солнца.

Он останавливается, видит развороченную под ногами землю, хмурится. Кто-то могучий вспахал здесь почву, стерев следы с лица земли. Хмурится сильнее. По ту сторону следов нет.

Он поднимает глаза, рукой прикрываясь от яркого света.

Ничего.

Наконец Вред находит его и кладет руку на плечо. Он подчиняется Вреду и оборачивается, делает глубокий вдох, собираясь что-то сказать, но не произносит ни слова и вместо этого начинает плакать.

Долгое время они, двое мужчин, не двигаются, объединенные общим горем. На земле пересекаются их тени, на небе медленно танцуют солнца.

* * *

В стороне от суматохи имперского порта ведут спор трое. Волны лижут скалы. Люди обмениваются сплетнями и оскорблениями, они переходят из рук в руки быстрее, чем товары. За внешней недружелюбностью скрывается странная привязанность. Каждому довелось пережить достаточно, чтобы не реагировать на неприязнь другого. У каждого есть свой секрет.

Одна из них – женщина, годы тому назад сбежавшая с юга. Когда пали ее соратники, она нашла силу в их смерти, чтобы двигаться дальше. Иногда ей снится то время, и она просыпается со вкусом сырого мяса на губах.

Другой – мужчина, ворующий товары и сбывающий их как свои собственные.

Третий – ни женщина, ни мужчина. Смертным это существо кажется женщиной средних лет. И что с того, что ее волосы не особо густые, а кожа светлее, чем у кого бы то ни было, – ничего необычного для живущих за пределами Сияющего Града.

Эти трое скрывают свою истинную суть, избегая агентов Крылатого Ока, рыскающих на окраинах.

Пока они продолжают спорить и ругаться, над ними пролетает небесный корабль – быстрый, невидимый.

Двое ничего не замечают. Третья резко закидывает голову, будто в макушку осой ужаленная.

– Ты там в порядке, Нэлл?

Она молчит. Другие не могут увидеть овивающую ее сущность. Обычно Первые прячут каждую ее частицу глубоко внутри смертной оболочки, защищая от злого мира. Но связь между ними остается – слабая, будто намеченная акварелью паутина, скорее воспоминание, отголосок, нежели реальность. И хотя каждый из них слегка отличается от других и от оригинала, иногда на мгновение они могут вновь стать единым целым.

Первая замирает. Ощущает дисгармонию, смешение, путаницу, переплетение множества временных линий, которые сами располагаются в правильном порядке. Короткий миг дышит свободно, спокойно.

Затем возникает жжение, и эти ощущения прекращаются.

Линии сущности тают, а сознание разделяется и сжимается.

В общем, пауза длится едва ли дольше удара сердца колибри, но этого хватает, чтобы информация незамеченной перенеслась через океан.

Эти усилия причиняют Первой невыносимую боль, но импульсы легко контролировать. Сейчас в десятке других мест искажаются лица, прерывается речь, затем все вновь возвращается в норму.

– Не жалуюсь, Джеки, – отвечает Нэлл. – Кажись, скоро будет буря.

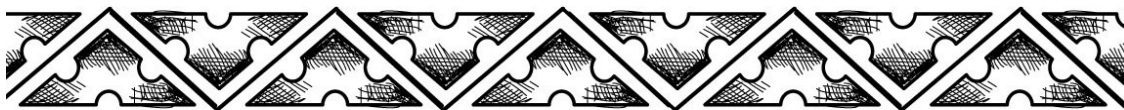
– Думаешь?

Нэлл поднимает взгляд на совершенно чистое небо и чешет живот как бы невзначай.

– Шкурой чую. Буря уже началась. Причем большая.

Глава третья

Самаэлю остается миля до Рухнувшего Дворца. Ему нет нужды останавливаться. Мышцы выдерживают нагрузки куда бóльшие, чем способен вынести человек, и усталость ему незнакома, она осталась в другой жизни, которая более не имеет значения. Он идет пешком, чтобы казаться могущественнее. Позади него разрастается опасность, но он идет – ибо это кажется верным решением.

Грязь липнет к сапогам, к голням, тянется к коленям, подобно отчаянному любовнику. Вокруг с жужжанием носятся мухи. Они никогда на него не садятся. Разлагающееся тело их одновременно притягивает и отталкивает.

Впереди над болотом возвышается Рухнувший Дворец. Когда-то он, воздушная крепость Гаммы из Семерых, парил над землей. Армия инферналей низвергла его, разрушила, оккупировала. Теперь он – убежище демонов, где правит сильнейший. Долгое время этот титул принадлежал Узурпатору, нынче же все не так однозначно. Инфернали набрасываются один на другого. Сильные сражаются со слабыми, сокрушают их и завоевывают последователей – или показывают на их трупах наглядный пример. Группировки формируются, сталкиваются, распадаются. Несмотря на ряд попыток занять трон Узурпатора, он остается пустым.

Обитатели Рухнувшего Дворца всегда начеку. Любой из них способен захватить власть, и все могут оказаться жертвами.

Именно поэтому Самаэль идет пешком.

За прошедшие годы Рухнувший Дворец начал тонуть, будто в замедленном темпе идущая ко дну лодка. Постепенно, сантиметр за сантиметром, одна его половина опускается ниже, усиливая наклон пола, а вторая поднимается все выше. Увеличивающееся давление разрушает фундамент. Время от времени падают башни, заканчивая свой путь между братьями или соскальзывая в болото и вставая одна на другую, формируя новые жилища.

Самаэль прокладывает путь вверх, взбирается на свалившуюся турель, служащую ныне мостиком. Скользкие покатые края, истоптанные многими ногами, превратились в неровную, но вполне плоскую поверхность. Сапоги гремят по металлу – глухо, фальшиво.

Внизу беспокойно. Из незастекленных окон со злостью смотрят вверх красные и зеленые глаза. Самаэль не обращает на них внимания и уверенно шагает дальше. Из дыры выбирается инферналь и преграждает путь. Это чудище с двумя спинами, соединенными у бедра, ребер и подбородка. Подобно опирающемуся на зеркало человеку, монстр стоит на четырех ногах, пальцы ног, слившись, соприкасаются с пальцами ног напротив. С усилием он поворачивает голову к Самаэлю, и в месте слияния натягивается кожа.

Самаэль вынужден поднять глаза, чтобы встретиться с ним взглядом. Чудище стоит выше, что усиливает впечатление от его и так немаленьких размеров.

У инферналя по оружию в каждой руке. Камень, коготь жертвы, гнилая ветка и Псиное Отродье на цепи. Из четырех орудий только пес-полукровка одушевлен, его переломанные ноги слабо брыкаются, но пасть все еще цепкая, опасная.

Меч, который держит Самаэль, – всего лишь кусок металла, острый, но безжизненный. Обнажив оружие, он готовится к бою.

Монстр тут же бросается на него, но недооценивает дистанцию, и Самаэль несется вперед с мечом наперевес. Инферналь отступает, сочлененные ноги непригодны для битвы. В последний момент он поднимает все четыре руки, создавая уродливый барьер.

Самаэль продолжает мчаться, поворачиваясь так, чтобы врезаться в противника не оружием, а плечом. Не прорубить, а пробить путь.

За ударом следует визг. Инферналь отлетает назад. Сперва остаются видны только подошвы, потом и они исчезают, поглощенные болотом вместе с Псиным Отродьем и остальным.

Самаэль убирает меч в ножны и идет дальше.

Он успешно продвигается вперед. Вскоре достигает подножия башни и ступает на покатые камни. Проходит мимо очередной полукровки, которая тащит мешок с незаконно нажитой добычей. На ней нет одежды, ее кожа более здоровая, более зеленая. Она из новеньких, тех, что родились оскверненными. Они очень разные, хотя оба представляют собой помесь смертной и инфернальной сущностей.

Они старательно друг друга не замечают.

Многие попадают к Самаэлю на пути к сердцу Дворца, но ни один не осмеливается напасть. Последняя башня цела, она шире и выше остальных. Место силы, подходящее для короля. Стены из сверкающего металла пронизаны толстыми и вздутыми зелеными венами.

Самаэлю они не нравятся, он чувствует непреодолимое желание их содрать. Все, что он может сделать в качестве сопротивления, – это не преклонять колени и сорвать со стены оскорбляющие взор наросты.

В основании башни находится арка, открывающая путь к лестнице. Он забирается внутрь и начинает подъем. В зависимости от того, куда наклонена башня, он идет то по ступеням, то по стенам. Самаэль поднимается, обрубая на пути нити паутины толщиной с веревку. Шелковистые нити неравномерны, перекошены, сотканы опьяненными от скверны пауками. Их уничтожение приносит Самаэлю удовольствие.

Он был здесь однажды с создателем. Тогда башня еще не так клонилась. Он вспоминает, насколько бездейственным тогда был его ум, когда он являлся лишь последователем, орудием. Его жизнь во многом стала легче после смерти создателя.

Повторяя однажды пройденный путь, он размышляет. Часть сознания находится в настоящем, часть – в прошлом. Он идет по коридорам, сворачивает, пригибается под наклонными проемами, втаскивает себя выше, пока наконец не достигает ее – гробницы.

У двери грудой лежат мушиные яйца, подобные раздутым рисовым зернам. У Самаэля возникает еще одно непреодолимое желание: раздавить их. Этому он противится.

Дверь открывается прежде, чем он успевает постучать. Перед ним – тот, кого он искал. Самаэль задумывается над обращением к Очертанию. Друг? Соратник? Сообщник?

Хотя сущность под оболочкой Очертания совершенно инородная, внешне она кажется более человеческой, чем у Самаэля. Его кожа почти не изменилась с первого вселения в тело, и мышцы сохранили правильные пропорции. В отличие от большинства сородичей, Очертание носит одежду, причем выбирает ее с тщанием. Как она не пачкается, остается загадкой.

Из-за чистоты одеяния Самаэль чувствует себя монстром. Он неохотно снимает шлем.

Очертание придвигается ближе, пока они не соприкасаются носами.

Самаэль открывает рот, Очертание делает то же самое, раскрывая темную пещеру, где должны находиться голосовые связки и язык.

Оба почти соприкасаются ртами, образуя своеобразный туннель, внутри которого нехотя соединяются сущности.

Обычно такой обмен между чистым инферналом и полукровкой небезопасен, но они действуют осторожно, а Очертание – в этом мастер.

Две сущности с великой осторожностью сливаются воедино. Два пузыря почти становятся одним.

– Тебя слишком долго не было. Ты нужен здесь, ты это знаешь... ты... тебя что-то тревожит.

– Неприятности у Разлома. Новая угроза.

– Возле Разлома всегда случаются неприятности, но они не могут дотянуться сюда, до Дворца. Тебя больше должно волновать то, что происходит здесь. У нас новые претенденты на трон Узурпатора: Заусенец, Вспятившая, лорд Сквернавец и Образина. Можешь с ними сразиться.

– Ты постоянно имеешь дело с подобными им. И побеждаешь. Зачем обращаться ко мне?

– Они ждали, копили силы. Я – то, кто создает королей, но я не король.

– Я тоже не король.

– Что же ты тогда?

– Я...

– Я вижу человека, мчащегося по текущей земле. Ты – он?

– Я...

– Я вижу человека в личине, выдающего себя за того, кем он не является. Ты – он?

– Нет. Я... я не знаю.

– Вот именно. Ты – не знаешь. Но я – знаю. Мы те, кем нам суждено стать. В тебе течет сущность твоего создателя, а в твоём создателе была сущность Узурпатора.

– Перестань меня отвлекать. Мое место у Разлома. Там новая опасность. Больше, чем я видел когда-либо раньше.

– Такая же большая, как наш господин?

– Узурпатор не был моим господином.

– Такая же большая, каким был мой господин?

– Не знаю, я никогда не видел твоего господина вплоть до его смерти.

– Я могу тебе показать.

– Нет. Лучше я тебе покажу.

– Хорошо.

Самаэль задумывается, вспоминает Тоску, ее силу. Воспоминания проявляются подобно дымке на стекле.

Очертание никогда не улыбается в присутствии других, зато часто – в одиночестве. Тем не менее Самаэль чувствует его намерение улыбнуться. На него накатывает волна самодовольства – чужого.

– Что это?

– Возможно, я поспешил с выводами. Да, теперь я вижу.

– Что ты видишь?

Возникает вторая волна самодовольства, на этот раз более выраженного.

– Решение всех наших проблем.

* * *

Внутри небесного корабля движение почти не чувствуется. Гироскопы и энергетические поля работают на износ, чтобы поддерживать ровный ритм, амортизируя и регулируя судно. Ремни крепко держат Веспер. Она, в свою очередь, держит козленка и бутылку с молоком. Звуки жадного причмокивания разносятся поверх приглушенной песни световых двигателей небесного корабля.

Сверху и вокруг нее сидят другие, ряды сидений образуют купол. Мужчины и женщины, в основном оруженосцы, их броня начищена, оружие наготове. Все как один стараются не смотреть.

Дженнер сидит напротив, занимая положение командира.

Веспер бросает взгляд на полные спокойствия лица, затем хмурится. Она набирает в грудь воздуха, чтобы что-то сказать, потом снова смотрит и шумно выдыхает.

– Что случилось? – спрашивает Дженнер.

– Мы действительно летим?

– Да.

– Куда?

– Это зависит от тебя. Всё... – он обводит пространство рукой, – это нужно, чтобы защитить тебя. Скажи, что требуется, и ты это получишь. Скажи, куда тебе нужно, и мы тебя отвезем.

Веспер чешет козленка за ухом, размышляя.

– А можно мне фонарь?

– Мы – твои фонари.

– Оу. То есть мне нельзя иметь свой фонарь?

Дженнер не знает, смеяться ему или раздражаться.

– Нет, то есть да, тебе можно, но я не о том.

На лице девочки расцветает улыбка.

– Тогда дайте мне, пожалуйста, фонарь. И еще молока для козленка.

– Ты их получишь. А теперь скажи, каковы приказы Гаммы?

Улыбка гаснет.

– Вы о чем?

– С тех пор как твой отец вернул меч Гаммы, мы наблюдали, ждали, пока он проснется. Наша единственная задача – помочь тебе. Поэтому скажи мне, каковы приказы Гаммы?

– Я ничего не знаю ни о каких приказах.

– Нет, знаешь. Что-то заставило тебя взять меч. Это была Гамма.

Она трясет головой.

– Я всего лишь хотела отнести меч кому-нибудь из рыцарей. Чтобы вы обратили его против демонов, а мой отец смог снова жить спокойно.

– Но меч не позвал ни меня, ни других рыцарей, он позвал тебя. И если ты позволишь, то меч будет передавать тебе свои желания. Тебе всего лишь нужно слушать.

Веспер задумывается, и улыбка полностью исчезает с ее лица. Меч молчит.

От него не исходит ни единого звука, ни единого приказа не возникает в ее голове. Помедлив, она произносит:

– Вы сказали, что на юге проблемы?

– Да.

– Тогда нам нужно туда.

– Куда именно? Гамма желает вернуться к Разлому?

Веспер опускает взгляд на меч и неясно что-то бормочет.

– Я знал! И она намерена уничтожить инферналей?

У Веспера вспыхивают щеки, она кивает.

– А сам Разлом она собирается запечатать, так?

Веспер почти незаметно робко кивает, и Дженнеру этого достаточно.

– Невероятно! – восклицает он и делает глубокий вдох, отчего веснушки на его краснеющем лице исчезают. – Прости меня. Мы очень долго этого ждали. Если есть вопросы, задавай их прямо сейчас. После приземления у нас может не остаться времени.

– Почему так важно запечатать Разлом?

Он секунду смотрит на нее, что-то прикидывая, и это заставляет ее волноваться.

– За пределами Сияющего Града мир совсем иной. Ты изумишься, Веспер, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы тебя подготовить. Есть такая вещь – Скверна. Иногда она проявляется как дым, но чаще всего ее не видно невооруженным глазом. Она меняет, искажает все, чего касается – растения, животных, людей. Она подобна яду, впрыснутому в атмосферу. И все это исходит из Разлома. А еще есть инфернали. Меньшие ранят тебя, если повезет, и сожрут, если не повезет. Большие вселяются в людей, делают из них рабов. Инфернали сильнее и быстрее, чем мы. Им неведома усталость, и они могут скрутить и сломать тебя изнутри. Не хочу тебя пугать...

Услышав это, Веспер кривится.

– Ты меня не пугаешь. Мне дядя рассказывал об инферналах, но он говорил, что не все из них плохие.

– Да, это так. Они практически захватили юг и продвигаются дальше. Их тысячи, и каждый проник через Разлом. Единственный способ спасти Империю и человечество – закрыть его. И только один из Семи, – его взгляд обращается к мечу, – способен это сделать. Для этого была избрана Гамма, а ты была избрана, чтобы нести Ее меч, который хранит Ее следы. Чтобы нести Ее.

Веспер хочет возразить, но Дженнер не обращает внимания.

– И помни, что ты не одна. Каждый на этом судне входит в один процент лучших людей Империи, и все готовы сражаться и умереть, если понадобится.

– Здесь есть рыцари?

– Среди нас двадцать пять рыцарей, все ветераны, лично отобранные Рыцарем Командором. У каждого по трое оруженосцев. Кроме того, в корпусе корабля находится стрелковое подразделение.

Веспер начинает оглядываться по сторонам, потом возбужденно показывает на женщин справа и слева от себя.

– Это рыцари? А вы рыцари?

Одна смотрит прямо перед собой, уставившись в пустоту. Другая оборачивается на девочку, спохватывается и отводит взгляд.

– Это Диада, – представляет Дженнер, показывая на двух женщин. – Она гармоната, что встречается очень редко...

– Это особый вид рыцарей?

– Ну нет, не совсем. Гармонаты являются подразделением Ордена. Это стражи, специально обученные противостоять инфернальному влиянию.

Веспер разочарованно кивает:

– Звучит здорово.

Несмотря на то что девочка явно не в восторге, Диада стоически переносит ее взгляды.

Дженнер отвечает на полном серьезе:

– Так и есть. Там, куда мы направляемся, опасности подвергнется не твое тело, а твой дух и разум. Любой контакт, даже непрямой, опасен, а от цели нас отделяют орды инферналей. Именно поэтому мы путешествуем быстро и налегке. Если Крылатому Оку будет угодно, сможем высадить тебя прямо у Разлома.

Проходят минуты, и Дженнер, как и остальные, в раздумьях откидывается на сиденье. Веспер кусает губы и гладит козленка, заснувшего на ее коленях.

– Как скоро мы прилетим?

– Через четыре часа.

Она пытается подавить тошноту. Снова кусает губы. Сжимает пальцы на ногах, стучит пятками по стене. Остальные спокойны.

Нервы зашкаливают. Она подумывает о том, чтобы признаться, но не смеет, чуть было не просит Дженнера развернуть корабль, однако в последний момент заменяет просьбу на нейтральную реплику. Что угодно, лишь бы не молчать.

– То есть мы действительно летим?

Дженнер открывает глаза.

– Да. Мы действительно летим.

– Мне бы хотелось посмотреть наружу.

– Только пилоту необходимо видеть то, что снаружи.

– А где сидит пилот?

– В радужковой капсуле.

Веспер прекращает стучать пятками. В раздумьях поднимает бровь. Открывает рот, медлит.

– Что такое?

– Пожалуйста, можно мне посидеть в радужковой капсуле?

– Это не положено.

– А-а. Понятно.

Дженнер произносит речь о безопасности, о протоколе, пытается объяснить, как обстоят дела, – лишь бы Веспер снова улыбнулась.

– Мне жаль, просто таковы правила.

Не успевает он продолжить, как у него на шее загорается квадрат, и еще один – внутри уха.

От таких новостей мужчина приподнимается, ремни безопасности врезаются в плечи. Он быстро говорит.

– Сколько? Откуда они вообще узнали о нас? Стэлс включен? Да. Да. Жду отчета.

Когда огни на коже гаснут, Дженнер встречается глазами с Веспер.

У девочки дрожит голос.

– Что это было?

– Корабли разбойников, три штуки. Держат курс на перехват.

– То есть?

– То есть никаких разговоров. Приготовиться к столкновению!

Люди вокруг нее хватаются за подлокотники сидений, их лица напряжены.

Никто не издает ни звука, но многие поют литанию: «Крылатое Око, спаси, защити, убереги».

Три корабля держатся клином. Когда-то они с гордостью присягали Крылатому Оку. Теперь же эмблемы изуродованы, что символично – кровью или клинками. Корабли пикируют всем скопом, готовые к атаке. Их цель невидима, сокрыта от глаз смертных. Но это их не останавливает, так как за штурвалом – Первый: он способен найти в небе даже тот корабль, который не могут засечь радары, и выстрелить точно в цель.

Вылетают боеголовки, тройка кораблей распадается, стремясь избежать возмездия.

Не теряя надежды на спасение, цель пытается уклониться от атаки. Корабль крутится, ныряет, выплевывает вслед сверкающие шары света – завлекающий обманный маневр.

Но маневры пилота так же устарели, как и примененные контрмеры. Первые боеголовки достигают цели: щиты разлетаются, механизмы рушатся.

Загораясь, гибнет световой двигатель.

С началом падения корабля от него начинают отсоединяться капсулы, разлетаясь во все стороны. Каждая капсула едва ли больше сидящего внутри человека. Подчиняясь приказу, они направляются к ближайшему куску суши. Отряд белохвостых комет, летящих к недостроенному острову, дому Кузницы Гармониума и воздушной тюрьме – Сонорусу.

Сонорус, полуколония-полупорт, грозно возвышается над водой. Полукругом стоят прикрученные к скалам здания. В защищенных водах пришвартованы корабли. Легко покачиваются лифты, перемещаясь между секторами, поднимаясь из доков на верхний уровень к дозорной башне тремя милями выше. Тюрьма располагается по внешней дуге, клетки свисают с цепей над открытым океаном.

Узкие тропинки, подобно паутине, разбегаются между переполненными сооружениями нижнего уровня. На этом фоне главная дорога Соноруса, Торговый Путь, расплывается будто толстый язык, бегущий из порта к подножию горы. Отсюда она под углом идет наверх, неторопливо разворачивается по спирали и на середине встречается с машиностроительными заводами.

Только Торговый Путь широк настолько, чтобы вместить четыре гусеничных танка, с кряхтением ползущих из ангаров. Механизированные ноги несут тяжелые овальные туловища, набитые военными. Торговый Путь они проходят быстро, по дороге готовы пушки. Островное королевство совсем недавно провозгласило независимость, и когда правители видят падающие с неба капсулы, они предполагают худшее.

Страшась, что Империя Крылатого Ока явилась вернуть непокорную колонию, они созывают солдат, просят о помощи Первого и прячутся в бункерах, построенных специально для такого случая.

Наверху капсулы замедляются и тратят последние резервы в энергетических полях, ослепительно сверкая при столкновении с землей.

Некоторые приземляются на улицы, некоторые падают на стены. Металлический дождь, с шумом крушащий все вокруг.

Люди бегут. Не в состоянии понять, какой путь самый безопасный, они мечутся в разных направлениях. Вокруг оседает пыль, отчего весь мир кажется зернистым. Постепенно шум утихает. Воздух очищается.

Одна капсула лежит в траншее, ею же и пробитой. На одной из ее сторон очерчивается белый прямоугольник. Вскоре раздается характерный тихий щелчок, и от капсулы отлетает кусок металла. Оттуда выходит мужчина, касается рукой лба. Его пальцы окрашиваются красным – куда более темным, чем его волосы. Он их быстро вытирает, затем достает пистолет из кобуры.

Осматривает улицы, пересчитывает капсулы, видит, как они извергают содержимое на землю. Кроме его людей, на улицах никого.

Это ненадолго.

Мужчина произносит свое имя – не Дженнер, а настоящее имя. В ответ рыцари с лязгом вынимают мечи и салютуют. К ним спешат оруженосцы и солдаты, кто хромя, кто бегом, прикладывают все усилия, чтобы сформировать строй.

Диада не присоединяется к ним, вместо этого она караулит дыру в пробитой стене. Находясь по обеим сторонам от побледневшей Веспер, они ограждают ее от стали и камня.

Девочка выпрямляется, всматриваясь в дыру.

– Что...

Диада кладет ей руки на плечи, заставляя замолчать и отступить.

Прежде чем стена перекрывает ей видимость, раздаются выстрелы. Один оруженосец получает пулю в бедро, дважды крутится, затем падает. Пуля весело продолжает свой путь, практически не замедлившись, отскакивает от стен, ищет новые цели. Рыцари и солдаты рассыпаются и ведут ответный огонь.

За стеной Веспер пытается осмыслить тот хаос, что творится снаружи. Она слышит новые приказы. Их атакуют. Снова выстрелы, крики, внезапный выброс огня и визг, как если бы на свиней напали волки. Она отталкивает Диладу, мельком ей удается уловить происходящее.

Корчатся и разрываются тела, бегут люди, некоторые охвачены огнем. Она не знает, кто именно гибнет, и внезапно это перестает иметь значение. Никто не должен так страдать.

Веспер пригибается, не желая видеть, что будет дальше.

Но звуки не утихают, вынуждая все сильнее сдавливать уши руками. Отмечая успехи и неудачи в битве, непрерывно грохочет огонь, постоянный на фоне треска пистолетов и криков раненых. Время растягивается, каждый миг ложится Веспер на плечи, будто целый век. Она плачет, но войне нет дела ни до слез, ни до детей, их проливающих.

Раздаются двадцать пять голосов, переплетаясь с лязгом священных мечей. И хотя их суд направлен не на нее, хотя девочка понимает, что это присоединились к битве рыцари-серафимы, – она содрогается.

Меч в ее руках холоден и тяжел.

Руки прекращают давить на плечи Веспер, но не исчезают. Диада кивает: две головы движутся как одна.

– Опасность отступила...

– ...пока что.

Ее голоса дополняют друг друга. Они не идентичны, но предложения плавно перетекают друг в друга.

Веспер переводит взгляд с одной на другую, быстро вытирает глаза.

– Я не понимаю... это были не инферналы, это были просто люди. Такие же, как мы. Эта кровь!

Ее лицо искажается от ужаса.

– Простите. Я не могу...

Диада на нее смотрит, и Веспер осекается.

– Нас...

– ...зовут.

– Нам надо...

– ...идти.

Диада проводит ее мимо руин. На дальней стороне улицы Веспер замечает что-то обугленное, дымящееся. На нее накатывают ужас и изумление. Сперва она не понимает, на чьей стороне сражался труп. Нет, думает она, это не наш. Фуксиновые пятна указывают на то, что несчастный принадлежал к независимым войскам Соноруса. Понимание не приносит должного облегчения.

Ладонь Диады толкает ее в спину, заставляя идти дальше. Столько уничтожено в такой незначительной схватке, она не может этого осознать, но и взгляд отвести не в силах. Конечности, куски одежды, неопознаваемые шматы мяса, все еще шипящие на камнях. Запахи проникают в ноздри, вползают в мозг, чтобы надолго закрепиться в подсознании.

На обломке кирпича Веспер видит отблеск крови. От этой картины она замирает. Рядом нет трупов, просто кирпичи заляпаны багровым, и между ними растекается темная лужа. Странность картины ее завораживает, тревожа травмированный рассудок.

– Что здесь случилось?

– Это...

– ...не важно.

– Но как кровь здесь оказалась? Чья она? Ничего не понимаю.

– Это война...

– Люди умирают. Вот и...

– ...всё.

– Но этому точно есть объяснение!

Диада обменивается раздраженным взглядом.

– Они предатели...

– ...заключившие союз с демонами.

– Либо они...

– ...либо мы.

Глаза Веспер круглы как плоски, она смотрит, но не видит.

– Нам надо...

– ...идти.

Она не слышит Диаду, не улавливает спешки в ее голосе.

– Но кто они?

– Нам надо...

– ...идти.

– Когда-то это было человеком.

Одна из Диады цокает языком, другая тяжело вздыхает, затем обе цепляют Веспер под руки и остаток пути тащат ее на себе.

По мере приближения к основной группе Веспер понимает, что Сонорус сегодня понес серьезные потери. Рыцари справились лучше, погиб лишь один. Оруженосцы заботятся о своем мертвом хозяине, забирают меч и броню. Эти предметы бесценны, они были выкованы создателем, когда зарождалась Империя Крылатого Ока. Избавленный от обязанностей и лишенный достоинства труп кладут к остальным. Для почестей нет времени, поэтому солдаты движутся быстро, выравнивают копья, сжигают останки. Смерть рыцаря – это прискорбно, но нетронутое скверной тело, оставленное инферналям, – это непростительно.

Дженнер подходит к ним.

– Вы не ранены?

Диада отвечает за девочку.

– Хранительница...

– ...не ранена.

– Тогда не все потеряно. Помощь в пути, но ей потребуется время. Мы захватим кузницу и будем ждать спасения.

– Это неправильно! – восклицает Веспер, хватая Дженнера за край униформы и зажимая ее в кулак. – Эти люди умерли из-за меня! Я не хранительница. Я просто глупая девочка. Возьми меч. Держи.

Он наклоняется к ее уху, понижает голос.

– Слишком поздно. Ты хранительница, ты должна в это поверить, и они, – он указывает на солдат и оруженосцев, латающих раны и формирующих строй позади него, – тоже должны поверить.

По ее щеке скатывается слеза, мешаясь с соплей на верхней губе.

Дженнер обращается к гармонатам.

– У нее шок. Дайте стимуляторов и охраняйте ее, пока не двинемся дальше.

Воцаряется пауза, за которой вот-вот последует возражение, но Дженнер убивает идею на корню.

– Выполнять!

Диада салютует и сопровождает Веспер обратно к стене. Одна из рук впивается в плечо Веспер сильнее другой. Девочка сжимает зубы, подавляя жалобу.

Через пыльную дыру они пролезают в умывальную. В прозрачных ящиках извиваются нетронутые сражением вакуумные трубы. Рухнувшая капсула занимает большую часть пространства, пронзая очистительную камеру подобно дротику. Диада оставляет Веспер в углу, затем поворачивается, отдирает дверь от кабины и ставит поперек дыры.

В голове у Веспер хаос, она не знает, что делать, думать или говорить. Внезапно она чихает.

Моргает. Через мгновение снова чихает.

Пыль щекочет ноздри. Она смотрит вверх, видит, как та неравномерно сыплется через трещину в потолке.

Через пару секунд Диада оказывается рядом.

В тишине слышны многочисленные быстрые шаги. После каждого шага сверху вниз падает очередная порция пыли.

Снаружи доносится новый звук: далекий, тяжелый, гремющий, возвещающий о появлении металлических тварей.

Диада встает справа и слева от двери и обнажает оружие.

– Что мне делать? – спрашивает Веспер.

– Спрячься...

– ...здесь, – отвечает Диада, показывая на кабину.

Больше она не успевает ничего сделать – невидимые силы молотят в дверь, наполовину ее выкорчевывая, отчего та настезь распахивается, как и рот Веспер.

В комнату вкатывается металлический шарик размером с кулачок младенца.

Останавливается, щелкает.

Веспер интуитивно отклоняется назад.

А Диада движется, нарушая гармонию. Одна бросается на девочку, пытаясь накрыть ее собой, подвергая себя опасности. Меч второй устремляется вниз, отправляет шарик обратно. Быстро, уверенно, слишком поздно.

На полпути шарик взрывается, заполняя воздух горящими спиральными осколками. Они проникают сквозь нагрудник Диады, сотней укусов впиваясь в плоть.

Она отступает на два шага, потом еще на два, меч выскальзывает из пальцев. Она качается будто тростинка на ветру, прежде чем последовать за клинком, опускается на колени. Пока одна женщина падает, другая вскакивает и фиксирует взгляд на проходе.

Сперва льется дождь из пуль, яростно расчищающих себе путь. За ними появляются фигуры, рассеиваются по комнате, освобождая место для тех, кто позади. Даже в спешке они невидимы, фуксин их боевой экипировки приглушен до теневого серого. Они видят раненую женщину и скрюченную в углу фигурку. Видят другую женщину, летящую на них, и сверкающий меч.

Они не видят пистолета в руке у раненой.

Вспыхивают огни, и сияет заточенная сталь, освещающая комнату.

Веспер наблюдает за силуэтами на потолке, спешащими навстречу смерти.

Когда все заканчивается, в маленькой луже крови лежит дюжина искореженных тел.

Диада воссоединяется. Обеспокоенная, одна кладет руки другой на плечи, собираясь снять разбитый шлем.

Та их отталкивает. Жест не грубый, но он оставляет вторую в недоумении и растерянности.

Раненая сама открывает панель на наручях. Достает оттуда тонкую иглу и вкалывает под крепление шлема. Встает – сама.

Снаружи нарастает и приближается шум.

В разрушенной стене появляется лицо Дженнера. Он и глазом не ведет, увидев гору трупов.

– Докладывайте.

– Меч...

– ...и хранильница...

– ...целы.

Дженнер кивает.

– А вы?

– Мы...

Следует едва заметный удар: одна из Диады смотрит на свою раненую партнершу.

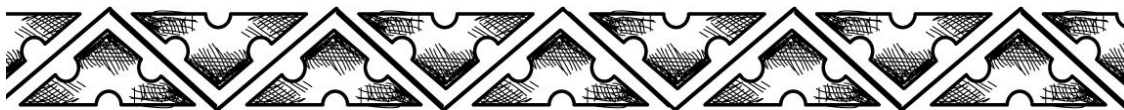
– Мы в порядке.

Что бы еще ни собирался сказать Дженнер, пол вдруг содрогается, и Дженнер не успевает договорить.

– Уходим! – орет он, показывая на противоположную дверь. – Уходим немедленно!

Глава четвертая

Веспер и ее сопровождающие бегут, проносясь сквозь дома, выбивают двери ногами и оружием, безжалостно нарушают чужое уединение, вновь вырываются на улицы. Солдаты движутся отрядами вокруг, защищая девочку. Регулярно применяются световые бомбы и дымовые пашки, они выдают местоположение войск, но скрывают под своей завесой отдельные человеческие фигуры.

Рядом слышится вражеский рев. Но гусеничным танкам не так просто до них добраться. Каждый раз, изменяя направление, группа выигрывает время, а танки вынуждены проталкиваться сквозь чересчур узкие щели. Однако большие пушки все равно по ним стреляют, надеясь на удачу. На крыши обрушиваются панцири, громя дома. Нескольким оруженосцам не везет, и они гибнут. На дорогах появляются новые дыры, некоторые настолько глубокие, что через них шипящими потоками пробивается вода.

Танки тормозят, и из их металлических утроб выпрыгивают мужчины и женщины в боевом обмундировании. Полные сил, они начинают погоню, и их фуксиновые фигуры прорезают клубящиеся серые туманы.

Веспер находится в самой гуще бури, окруженная стражей, выстроенной концентрическими кругами. Внешний круг формируют солдаты, за ними идут оруженосцы, затем рыцари и наконец Диада, вьющаяся вокруг нее будто пара злых пчел. Широко распахнутые глаза Веспера не могут увидеть то, что лежит вдали, а мозг даже не пытается осознать все творящееся безумие. Мысли отступают, погребенные под волной адреналина.

Иногда Диада находится совсем близко и то и дело внезапно ее толкает, иногда оставляет девочку на несколько ужасающих секунд, заставляя мечи танцевать вокруг, пронзая дым, кромсая ноги предполагаемых налетчиков. Они останавливаются у сваленных кучей баков, крадутся, затем бегут, сворачивают, снова сворачивают. Цель и направление потеряны, оставлены вместе с телами павших.

Впереди враг сколачивает баррикаду. Посреди улицы вырастают непрерывно светящиеся батареи переносных генераторов. Но такие древности – редкость, и их недостаточно, чтобы запечатать вход. Дабы восполнить недостаток материалов, используют и другие технологически устаревшие средства – в дыры наваливают стулья и перевернутые навзничь шкафы.

Дженнер поднимает руку, и его армия тут же останавливается. Разума каждого достигают мысленные приказы.

– Они хотят согнать нас на Торговый Путь под удар этих ползунов. В атаку! Прорвемся через барьер.

Солдаты беспрекословно подчиняются, бросаясь на открытое пространство.

У врага хуже оружие и ни одного человека с рыцарской подготовкой. Но их больше, и они не спешат.

Применив последнюю оставшуюся у них гранату, войска Дженнера бегут через образовавшуюся дыру. За такую короткую дистанцию пришлось заплатить слишком дорого, и теперь остатки баррикады обгарены кровью многих храбрых воинов.

Продолжают сыпаться пули. На открытом пространстве боевой опыт и навыки не имеют значения – и рыцари, и оруженосцы гибнут одинаково.

Веспер видит, как вокруг нее редет армия, как один за другим умирают люди. У нее есть время осознать, что она может погибнуть, восхититься тем, что жива, уверовать в то, что следующий ее шаг – последний.

И тут они достигают баррикады.

На барьерах искрится металл, поют мечи, песнь их торжествует. Генераторы перегружаются, и световая панель исчезает. Вместе с ней испаряется смелость защитников. Большинство дезертирует, и их спины становятся мишенью. Оставшиеся, менее умные, сдаются. Пока рыцари разрушают остатки заграждений, предприимчивые оруженосцы утаскивают переносные баррикады. Через две минуты группа снова отправляется в путь.

Позади все еще грозно наступают танки и спешит пехота, но дорога расчищена. Высокие скалы кажутся еще выше, пока отряд не достигает естественной границы острова. На скалах гнездятся огромные энергетические генераторы. Они забирают энергию у моря и отправляют ее в Кузницу Гармониума, расположенную в серебряном блоке. Он образует стену, и Дженнер ведет своих людей туда, находя укрытие между гудящими металлическими колоннами.

– Возвести барьер, – командует он. – Будем надеяться, что сохранить электропитание им важнее, чем убить нас.

Оруженосцы подчиняются и используют украденные световые щиты, создавая изогнутую четвертую стену.

В двухстах метрах от Кузни падает здание, и на горизонте появляются четыре танка. Рядом шагают отряды солдат.

Войска Дженнера синхронно задерживают дыхание.

Возникает пауза, люди замирают в ожидании, их пульс учащается.

Рык танковых моторов превращается в рев. Пушки глохнут.

Войска синхронно выдыхают.

Дженнер быстро раздает приказы. Определены смены. Одни встают на дежурство, другие помогают раненым. Счастливики отдыхают.

Покончив с основным, он вспоминает о Веспер. Кажется, она зависла где-то между отчаянием и шоком. Диада тут как тут: одна стоит рядом с девочкой, другая лежит, пока ее латает полевой врач. Он проводит магнитом над ее телом, и Дженнер наблюдает, как из ран вылетают металлические осколки – один за другим, подобно звенящему дождю.

– Веспер, здесь мы на распутье. Подкрепление может подойти вовремя, а может и нет. Я хочу знать, есть ли у Гаммы какие-либо приказы. Меч с тобой говорил?

Веспер моргает, возвращаясь в этот мир.

– Я спрашиваю, меч с тобой говорил?

– Один раз, кажется. Еще дома. Он позвал меня и... это сложно объяснить.

– Сможешь еще раз с ним поговорить?

Она опускает взгляд на свои руки, изумленная тем, как они трясутся.

– Нет.

Дженнер поворачивается к гармонате.

– Вы давали ей стимуляторы?

С пола доносится:

– Нас прервали.

И сбоку от Веспер:

– И мы подумали...

– ...лучше сохранить...

– ...чистоту сознания...

– ...в присутствии Семи.

К лицу Дженнера приливает кровь.

– Нам уже нечего терять. Коли стимуляторы. Я позабочусь о том, чтобы вам не помешали.

Он многозначительно смотрит Веспер в глаза.

– Поторопись, у нас нет времени.

Девочка кивает, ее бледность просвечивает даже сквозь грязь на лице. Дженнер вновь обращается к Диаде:

– И чтобы не возникло недопонимания: если мы выживем, то твоя неспособность выполнять простые приказы будет упомянута в моем отчете.

Диада салютует. Ждет, пока он отвернется. Без церемоний достает иглу и колет Веспер в руку.

– Ай!

Несколько человек оборачиваются на звук.

– Простите.

Сильные лекарства подавляют шок, и из окружающего девочку тумана внезапно проступает картина временного лагеря. Веспер смотрит, как полевой врач лепит новый слой дермы на раны Диады. Смотрит на лежащих на земле солдат, которые отводят взгляд, когда она пытается его поймать.

– Не... не могли бы вы оставить меня на время?

– Лучше...

– ...уже не...

– ...будет.

– Ладно. Тогда хотя бы отвернитесь, пожалуйста.

Диада повинуется, одна из них выразительно вздыхает.

Веспер кивает и разворачивает меч, осторожно его кладет и делает глубокий вдох.

– Крылатое Око, спаси, защити, убереги.

Меч никак не реагирует. Веспер склоняется над ним, ее губы практически касаются клинка. Волоски на шее и на руках встают дыбом.

– Привет, – шепчет она. – Прости. Мне очень жаль. Я не должна была тебя брать, и ты не просил об этом, но ты нам очень-очень нужен. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы кто-то еще пострадал. Я не хочу крови.

От воспоминания она вздрагивает.

– Если они снова нападут, мы все погибнем, и никто не сможет...

Она запинается.

– Отнести тебя к Разлому.

Сосредоточившись на клинке, Веспер ждет, и время для нее растягивается. Она так упорно смотрит на меч, что забывает моргать. Картинка плывет, она видит движения там, где их нет. Но наконец что-то происходит. Не с крыльями, но между ними, как если бы глаз беспокойно ворочался под веком.

Девочка не смеет произнести ни звука. Она видит очередное движение – меч что-то беспокойт.

От неожиданно близкого голоса Дженнера Веспер подпрыгивает.

– Как у нее идет?

– Пока ничего...

– ...но прогресс есть...

– ...небольшой.

– Что ж, ей лучше поторопиться, ради всех нас. К нам движутся корабли, точно вражеские. Первый на подходе.

* * *

Три небесных корабля по спирали снижаются к Сонорусу. Вращаются двигатели, а они готовятся зависнуть в воздухе позади главной сторожевой башни.

Из окон выглядывают обеспокоенные люди, никто не осмеливается выйти, пока корабли не закончат свое неторопливое снижение.

В тридцати метрах над Торговым Путем открывается свинцовая дверь корабля, оттуда вываливаются люди и по росту образуют черную линию домино – безликую, безупречную.

Одежда свободно струится на ветру, будто из раскинутых рук льется вода.

Пауза не длится и двух секунд, затем под черными армированными сапогами хрустят камни. После чего появляется плащ.

Первый выпрямляется, делает шаг.

Через секунду, почти через две, позади спускается другая фигура, одетая так же. Движения идентичны – приземлиться, выпрямиться, шаг вперед, шаг за лидером, а тем временем уже приземляется следующий.

И такая последовательность повторяется четырнадцать раз, каждый раз как в первый, как если бы время зависло, попав в петлю. Каждый раз трещины в камнях становятся все шире.

Они идут вдоль пустых улиц, следуя за разрушениями.

Первый останавливается у горстки пепла, медленно развеваемой ветром. Качает головой, остальные повторяют движение, затем идет дальше.

Над их головами застыли в ожидании три небесных корабля.

Ни у кого из них нет оружия, но все – в безликой защитной одежде, все с головы до ног закованы в легкую броню. От этого еще сильнее кажется, что они идентичны. Однако они различаются ростом, весом, полом и возрастом. В других обстоятельствах они бы и оделись по-разному, возможно предпочтя одежду и манеры, свойственные своим изначальным личностям. Но когда призывает Первый, пробуждая спящую в телах сущность, человеческие маски спадают, ибо более не имеют значения.

Несколько раз они замедляются, отвлекаясь на очередное разрушенное здание или на торчащую из потолка кровать. Иногда Первый останавливается у тела, чтобы закрыть ему глаза, иногда – чтобы открыть. Ибо не все погибли в сражении: некоторые находятся на грани жизни и смерти, и их пульс неровно скачет. В таких случаях один из группы поднимает раненого солдата, как если бы он был сделанной из листьев игрушкой. С добычей в руках они уходят, возвращаясь на корабли.

Когда Первый достигает гусеничных танков, только трое из группы все еще следуют за ним с пустыми руками.

Армия Соноруса отступает задолго до прибытия Первого, что позволяет ему беспрепятственно пройти по городу. Офицер ожидает инфернала, отчаянно пытаясь скрыть свой страх, не подозревая, что подобный обман невозможен. Для Первого не имеют значения тон голоса или мимика, он считывает души напрямую. Все чувства офицера лежат под взглядом Первого как на ладони.

– Добро пожаловать в Сонорус. Я капитан Уджим, и от лица совета выражаю вам благодарность за быстрое реагирование. Мне поручено оказывать вам любую помощь. Враг хорошо вооружен и хорошо обучен.

Внезапно офицер осознает, насколько маленьким он кажется в отражении лицевой пластины Первого. В горле пересыхает, голос садится.

– Они воспользовались рельефом местности, поэтому нам не удалось отправить танки. И среди них есть рыцари – по нашим подсчетам, минимум пятьдесят. Однако теперь, когда вы

здесь, наших объединенных сил будет более чем достаточно. Мы готовы атаковать по вашему приказу.

Первый в упор смотрит на капитана. Позади него кивают три головы.

– За все годы, что мне доводится вести дела с... людьми, я каждый раз удивляюсь тому, как вы жаждете перебить друг друга.

Первый проходит мимо капитана, оставляя танковую защиту позади.

– Стойте, – заикаясь, произносит капитан, пока одинаковые фигуры колонной идут следом. – Что вы собираетесь делать? Какие у нас будут приказы?

Четвертая фигура останавливается.

– Я собираюсь сделать то, что вы должны были сделать с самого начала... Я собираюсь предложить им сделку.

* * *

– Там идет какой-то человек, сэр. Это он? Это Первый?

Дженнер, прищурившись, глядит через глазок в их временном укрытии.

– Это не человек, это инферналь. И, да, это Первый.

– Я поймал его... кем бы он ни был, в прицел. Стрелять?

– Не сейчас. Будь начеку, но никто не стреляет без моего приказа.

Дженнер поворачивается к своему войску. В глазах солдат он видит страх, смешанный с рвением. У многих рыцарей Первый забрал братьев и сестер, многие оруженосцы с самого детства слышали про него рассказы один другого мрачнее.

– Если нам представится шанс избавить мир от Первого, мы его не упустим.

Но помните, наша главная задача – защищать хранилищницу, охранять меч и доставить его к Разлому. Нельзя позволить врагу им завладеть. Мне нужны варианты. Вы двое, – указывает он, – проверьте, сможем ли мы забраться на стену под прикрытием генераторов. Подрывники, проверьте, сможете ли вы пробиться отсюда к морю, и если да...

– Сэр, я думаю, оно собирается что-то сделать.

Дженнер поворачивается и смотрит в щель.

– Проклятье!

Первый останавливается на полпути между танками и бункером. Поднимает руки ладонями наружу, снимает шлем. Обнажает лицо. Под шлемом оказывается молодая женщина – лысая, с оспинами на щеках.

– Я – Первая, и я пришла сюда не затем, чтобы вас уничтожить. По крайней мере, если вы этого не... захотите.

Первая подходит ближе, задумывается, ее лицо неподвижно.

– Я... не горю желанием сражаться. Что-то предложить – гораздо ценнее, нежели что-то отнять. Это тело было мне даровано. Женщина, которая его носила, была больна. Не по нашей вине. Это была инфекция вашего мира, но оттого не менее... смертельная для него. Мне говорили, что эта болезнь была излечима, но ваша наука отстала, ваши лекарства редки и дороги. У этой женщины не было ни друзей, ни возможностей получить нужное лечение. А ее... окружение боялось. Не заразна ли она? Не распространится ли ее болезнь? Они не знали. Знание было для них утрачено. И поэтому она пришла ко мне. И хотя вы могли посчитать ее испорченной, для меня она была... чиста. Часть ее продолжает жить внутри моей сущности. Вам не понять, но будьте уверены, это так. У нее не было никаких иллюзий по поводу того, чем она станет. Я вам это рассказываю, потому что, приняв эту форму, мне удалось сделать одно наблюдение, и я хочу им с вами поделиться.

Первая останавливается; может показаться, что сквозь световую стену она смотрит в глаза людям на другой стороне.

– Люди отчаянно хотят жить. Имея выбор между существованием в любом виде и смертью, она выбрала жизнь. В первый раз, когда понимала, что болезнь ее убьет, и во второй, когда пришла ко мне. Вскоре вам предстоит сделать тот же выбор. Умереть здесь и сейчас или продержаться еще немного. Сгоряча легко обречь себя на смерть. Но у нас пока еще есть время. Подождите. Подумайте. Послушайте меня. Я обращаюсь не только к лидерам, я обращаюсь к каждому из вас. Если хотите жить, то все просто. Уничтожьте мечи, поклянитесь в том, что ваши намерения сугубо мирные, и присягните мне. Я не могу позволить рыцарям уйти, но обещаю, что обойдусь с ними по справедливости. Остальные могут поступать так, как пожелают. Остаться, уйти, последовать за мной. И самое главное – Злость должна быть уничтожена. Сделайте это, это просто, и я вас не только пощажу, но и прослежу, чтобы вы вернулись домой или начали жизнь с чистого листа. Как вам угодно.

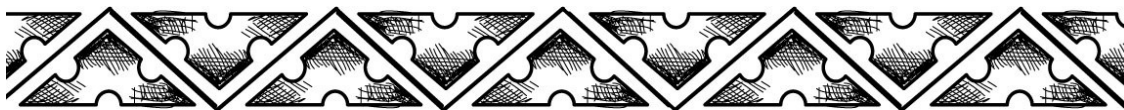
Она снова поднимает шлем, снова надевает его.

– Подумайте над моими словами. Тщательно. Я буду ждать ответа.

За световым барьером все глаза обращаются к Дженнеру, затем к склонившейся над мечом девочке – та ему что-то неистово шепчет.

Тысячу сто двадцать шесть лет назад

В сознании Массасси проплывают обрывки мыслей, разорванные фрагменты мозаики. Они сливаются с голосами, которые тоже проплывают где-то у ее головы. Счастливым фантом блуждая сквозь них, она не может сказать, что относится к прошлому, что – к будущему.

Слова становятся все более четкими, более настойчивыми. Она узнает говорящего, распознает слова, но практически не понимает их смысла.

– ...и я прошу всего лишь о сотрудничестве. Затем мы разойдемся. Уверен, вы ведь согласитесь со мной, что так будет лучше?

Массасси хочет что-то сказать, но ей мешает маска. У нее загораются глаза, и она кашляет, задыхаясь из-за глубоко вставленной в горло трубки.

– Ага, думаю, она просыпается.

В разговор вступает другой голос, не такой знакомый.

– Не будем спешить. Да, тело восстанавливается, но нам стоит проверить ее когнитивные функции, если хотите, чтобы ее состояние стабилизировалось.

Над ней кто-то склоняется. Она пытается сфокусировать взгляд. Видит голову, размытую, но узнаваемую. Это ее куратор. Он выглядит уставшим, под глазами – темные мешки.

– Доктор, смотрите! Она улыбнулась. Уверен, она меня узнала.

– Не факт. Возможно, это был мускульный спазм.

– Массасси? Массасси, ты меня слышишь?

Ей удается кивнуть.

– Хорошо. Очень хорошо. Теперь слушай: произошел серьезный несчастный случай. Нам надо об этом поговорить. Нужно уладить некоторые...

Слова начинают расплываться, исчезать в открывшейся между ними пропасти.

Она закрывает глаза.

– Мы ее теряем. Сделайте что-нибудь.

– Ее тело подверглось серьезным нагрузкам. Естественно, она хочет отдохнуть.

– Но как долго?

– Сложно сказать. Пару дней, может, дольше.

– Так не пойдет. Нам нужно закрыть дело и двигаться дальше. Мы и так уже много времени на это потратили.

Куратор начинает ходить по комнате, сложив руки за спиной, похожий на напыщенного дятла, вышагивающего по ветке. Массасси снова улыбается.

– Я не могу уйти без ответа. Нам нужно ее разбудить.

– Я не могу будить ее принудительно.

– Нет, можете. Дайте ей стимулятор.

– Учитывая уровень боли и историю болезни, я бы воздержался от проведения подобного рода мероприятий. Если я резко ее разбужу, это может привести к критическим последствиям для всего организма. Ей следует набраться сил, прежде чем она узнает о тяжести полученных травм.

– Мне нужно всего несколько минут. После того как она согласится, можете держать ее здесь столько, сколько пожелаете.

– Я хочу зафиксировать официально, что не давал на это добро.

– Ваши возражения внесены в протокол. Теперь приступайте.
Доктор исчезает из поля видимости, начинает приготовления.
Действие седативных сходит на нет.

Боль возвращается, мускулы растягиваются, костяшки белеют. Но это не все. Внезапно мир обретает четкий фокус, линии становятся настолько резкими, что врезаются в мозг.

– Спокойно, Массасси. Послушай, я обещаю, что не заставлю тебя терпеть дольше, чем необходимо.

Не отрываясь, она смотрит ему в глаза, привлеченная искрящимися в них огнями. Они всегда были там, невидимые обычному глазу, говорящие о скрытой внутри него сущности.

Но не для незамутненного разума Массасси. Теперь – уж точно.

Не подозревая, каким сейчас видит его Массасси, он продолжает свою речь, которую произносил так часто, что ее внесли в базу данных.

– Произошел серьезный несчастный случай, в результате которого Жнец высшего уровня 4879–84/14 был отключен от питания согласно аварийному протоколу. Были потеряны рабочие часы, не говоря уже о стоимости твоего лечения, текущего медицинского сопровождения и поисках замены тебе.

Он останавливается, успокаивающе улыбается – отточенный годами прием. Массасси замечает, что улыбка не затрагивает его настоящих глаз – тех, что искрятся позади этого лица. Она также замечает, что его второй рот, вытравленный бледным светом, остается мрачным. Губы Массасси, охватывающие трубку, расплываются в ответной улыбке. Куратор не замечает дикости этой улыбки.

– Я хочу того же, что и ты. Чтобы ты снова встала на ноги и вернулась к работе как можно быстрее. Тебе понадобится новая рука и частичное восстановление верхней части тела. Модификации стоят дорого. Но я просмотрел твои счета и увидел, что у тебя много сбережений. Однако, принимая во внимание траты на расследование и всё растущую стоимость лечения, боюсь, этих денег не хватит на восстановление жизнедеятельности. Но не волнуйся, у меня есть решение. Если ты полностью возьмешь на себя ответственность за случившееся, то мы сможем представить это как уголовное дело. Мы понизим твой классовый статус и, в свою очередь, возьмем ответственность за твои права до тех пор, пока долг не будет выплачен. Это тяжело, я знаю, но мы решим все проблемы. У меня есть предварительное разрешение на финансирование твоей операции на основании рабочего стажа. Ты сможешь вернуться на мехи до конца года. Что скажешь?

Она пытается говорить, кашляет.

– Доктор, можно вынуть трубку?

– Да, секунду.

Доктор дает команду, и трубка медленно сворачивается в маску, которую он так же медленно снимает.

Массасси кашляет, затем принимает из рук доктора воду. Когда она смотрит на покрывающую ее тело бесформенную простыню, на ее лице отражается искреннее недоумение.

– Моя рука все еще со мной. Я ее чувствую.

Доктор и куратор переглядываются. Доктор откашливается.

– Боюсь, это типичное заблуждение. Твой мозг так уверен в том, что конечность на месте, что производит ложное ощущение.

– Я ее вижу.

– Хочешь ее увидеть? Что ж, если ты уверена...

Доктор откидывает простыню.

На ее плече зафиксирован пластиковый держатель, заканчивающийся у правого бедра. Левое запястье прикреплено к кровати. Правое не закреплено ничем. Не осталось того, что можно было бы закрепить. Однако она улыбается.

– Вот она... что вы сделали с моей рукой? Она... прекрасна.

Очередной обмен взглядами.

– Наверное, не стоило так быстро ее колоть.

– А я пытался вас предупредить.

– Мы попробуем еще раз, когда она проснется. Если такое состояние продолжится, то может сыграть нам на руку. Сколько потребуется времени, чтобы ее выписать?

– Обычно это занимает около месяца, но, принимая во внимание обстоятельства, уверен, мы сможем договориться.

Доктор возвращается к капсуле.

– Ложись, теперь ты снова можешь отдохнуть. Сейчас станет легче, обещаю.

Массасси не успокаивается. Она видит в сущности доктора вспыхнувшую мысль, желание ее утихомирить.

– Я не сумасшедшая, вот моя рука. Смотрите!

– Да, – отвечает куратор, добавляя в голос вежливого сострадания. – Хорошо, очень хорошо. Уверен, скоро ты вернешься к работе.

Лекарства введены, они притупляют боль, притупляют чувства.

– Нет! – кричит она, уставившись на то место, где раньше была ее рука. Поначалу они не замечают свечения толщиной с кость по контуру потерянной руки. Затем оно усиливается, уплотняется, сияет, подобно посеребренному бриллианту. По сравнению со светом, который она видит в их лицах, ее рука блестит с яркостью звезды.

Теперь они видят и в страхе отступают, судорожно перебирая ногами по скользкому полу, будто паучьими лапами.

Сияющими пальцами она разрывает крепление на левом запястье и спрыгивает с кровати. Ослабшие мышцы не справляются с внезапной нагрузкой, она падает.

На мгновение они успокаиваются, хотя и продолжают пятиться.

Массасси протягивает руку. Одного рывка хватает, чтобы подтянуть себя к ним. Первым она хватается доктора. Серебряные пальцы проникают сквозь тело, касаются мягкого света внутри. Она не стремится убить, но ее действия слишком поспешны и вызваны злостью. Шар, которым является сущность доктора, лопается, сгорает и исчезает.

Тряпичной куклой доктор падает на пол.

– На помощь, срочно! – орет куратор. Внезапно он вспоминает о своей власти, осознает, что всего лишь один его приказ способен ее вырубить. Однако не успевает он отдать его, как Массасси дотягивается до его лодыжки, а там – через лодыжку – и до души.

В сознании куратора она находит предательство. Двумя пальцами раздавливает эти мысли и лепит заново.

В коридоре раздается топот. В дверь вваливаются крупные мужчины. Видят мертвого доктора, искалеченную девочку в беспомощности и стоящего на коленях плачущего человека.

– Вы звали нас, сэр?

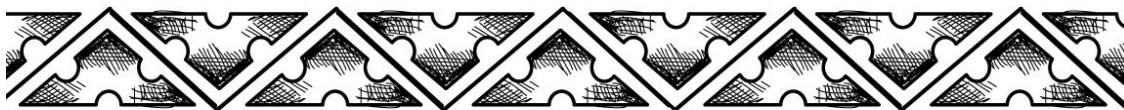
Куратор прерывисто кивает:

– Ответственность за несчастный случай лежит на мне. Это моя вина. Я думал, что смогу это скрыть. Я не знал, что девочка проснется и расскажет доктору правду. Так что вы понимаете, я должен был заставить их замолчать. Сначала я убил доктора и собирался убить девочку, но потом задумался, к чему это может привести. Я болен. Психически нездоров. Вам следует меня увести. Вам следует меня судить.

Люди так сосредоточены на бессвязных речах куратора, что не замечают улыбки на лице у Массасси.

Глава пятая

За крыльями беспокойно мечется глаз. Веспер смотрит на него, отчаянно желая, чтобы он открылся и дал указания. Она ощущает взгляды людей, чувствует давление. Напряжение нарастает, нервы сдают, что проявляется в мелких деталях: кто-то шаркает, кто-то кашляет, где-то скрипит брня.

Ожидание действий, каких угодно, становится невыносимым.

Веспер встает, меч покачивается в ее руках. Люди поднимают головы, следя за ее движениями. Шарканье прекращается.

Девочка идет к сияющему барьеру. Солдаты, рыцари и оруженосцы преклоняют колени. Даже раненые, игнорируя боль, пытаются приподняться, чтобы выказать свое почтение.

Она вспоминает отца, как тот носил ее на руках, как берег ее. Хотела бы она иметь такую же уверенность, как у него.

У барьера снайпер уступает ей место, и Веспер смотрит по ту сторону мерцающей стены. Она видит, что Первая ждет, и снова окидывает ее удивленным взглядом. Она думала, что враг окажется больше. Позади инфернала она замечает солдат, столпившихся вокруг танков, будто волны у скал, а за ними виднеется небесный корабль Первой.

Врагов так много, что Веспер не верит в победу. Все, о чем она может сейчас думать, это кровь, которая прольется по ее вине.

Она чувствует движение в руках. Металлические перья скользят в стороны, обнажая глаз. Он открывается, смотрит на девочку, затем, зафиксировавшись на инфернале, сужается.

Веспер оборачивается. Коленопреклоненные ждут, тяжело повесив головы. Многие ранены. Их едва ли наберется треть от числа вражеской армии. Она смотрит на Диладу: одна гармоната стоит на вахте, она еще на что-то надеется, в отличие от своей половины, чей пробитый нагрудник напоминает вывернутое наизнанку звездное небо.

Меч рвется к Первой, к битве. К удивлению Веспера, он утаскивает ее за собой, пока она не упирается локтями в барьер. При соприкосновении клинка с барьером вспыхивают искры, и Первая поднимает взгляд.

Глаз смотрит в глаза.

Меч начинает тихо гудеть.

Световой барьер дрожит, и Первая шатается, как при сильном порыве ветра.

Веспер пытается отступить, чувствует сопротивление. Бицепсы напрягаются, как два яблока, натягивают рукава, и она делает шаг назад.

Создается впечатление, что меч рвется в бой, и она раздумывает, что бы это могло значить. На мгновение глаз зажимывается. Нет, думает Веспер. Больше никаких сражений. Не в силах вынести ложь, она мысленно ее взвешивает. Это неправильно, но все лучше очередного кровопролития. Веспер откашливается.

— Меч говорил со мной.

Стоящий рядом Дженнер склоняет голову.

— Мы в твоём распоряжении.

Трудно понять, это дрожит меч или трясутся руки у девочки.

— Гамма... Гамма из Семерых... не хочет, чтобы вы сегодня сражались. Некоторые удивляются, но большинство принимает эту новость как должное.

Глаз медленно отворачивается от барьера и зло смотрит на девочку.

Сзади раздается бормотание:

«Так и случилось, ибо Гамма знала, когда нападать, а когда отступить».

«Так и случилось».

Веспер кивает, немного ободрившись.

– Сегодня вам их не одолеть. Гамма не хочет, чтобы еще кто-то умер. Если сдадитесь, то останетесь живы. И когда наступит время, снова сможете сразиться.

– Но как же наши мечи? Они незаменимы.

На лбу у Веспера выступает пот.

– Простите, Гамма ничего не сказала о мечях.

По рядам рыцарей проносится ворчанье, и она быстро добавляет:

– Возможно, их удастся восстановить. С благословения Семерых.

– С благословения Семерых, – повторяют они, но возникает другой вопрос: – Что насчет рыцарей? Первая не позволит им уйти.

– Да, они станут заложниками, но, по крайней мере, будут живы.

Один из старших рыцарей поднимает на нее глаза.

– Ты о нас не забудешь?

Поймав взгляд ветерана, Веспер отвечает:

– Я вернусь за вами. То есть Гамма вернется, обещаю.

Старый рыцарь салютует, остальные следуют его примеру.

– Да будет так. Но я молю тебя, пусть наша жертва не будет напрасной, – он неотрывно смотрит на девочку. – Пусть она того стоит.

– Я все для этого сделаю, – уверенно отвечает Веспер.

Дженнер поднимается.

– Гамма указала нам путь. Хранительница отправится на юг, чтобы завершить миссию. Наша задача – сделать это возможным.

– Мы будем тянуть время столько, сколько потребуется, чтобы Хранительница успела уйти. Подрывники, нам нужен проход, и он нужен прямо сейчас.

Поднимается рука.

– Как только начнутся взрывы, они нападут.

– Нет, – отвечает старый рыцарь. – Они ничего не услышат. Смертная песнь наших клинков заглушит все звуки.

Дженнер кивает.

– Хорошо. Тогда приступайте.

Солдаты начинают действовать, рыцари готовятся к прощанию. Дженнер преклоняет колено перед Веспером.

– Мне жаль, что так вышло. У нас есть контакт в Сонорусе. Еще один из Линз. Она поможет тебе сбежать.

– Ты не пойдешь со мной?

– Нет. Мне нужно доложить Крылатому Оку и встретиться с союзниками. Им надо знать о твоих действиях, если они собираются помочь.

– А после этого ты можешь пойти с нами?

– Нет. Когда я подам сигнал, то привлеку слишком много внимания.

– Ты не...

– Умру? Не имеет значения. Самое важное – меч.

Веспер кусает губу, мрачно на него смотрит.

Лицо Дженнера смягчается.

– Если тебя это успокоит, то я не планирую умирать. Если смогу убежать, убегу. И не волнуйся, одна ты не останешься. С тобой будет Диада.

– Хорошо.

– Да. Теперь готовься. Вам предстоит долгий заплыв.

Дженнер собирается уйти, но видит дрожащие губы и останавливается.

– Так, – говорит он, – нам надо привязать меч к тебе. Можно?

– Да, – отвечает девочка.

– Он слишком большой, чтобы ты смогла нести его на поясе, поэтому мы привяжем его на спину. Заверни его и придержи, а я зафиксирую.

Веспер делает, как сказано, с облегчением заворачивает меч обратно. Дженнер начинает привязывать его к девочке, стараясь не касаться самого клинка.

– Вот и все, готово. Ты как?

– Я в порядке.

– Еще кое-что.

Он достает из кобуры пистолет и вкладывает Веспер в руку, тихо что-то напевая. Из ладони исходит свет, охватывая рукоятку, постепенно нарастая, затем так же постепенно угасая.

– Я перенастроил пистолет на тебя. Храни его и никому не показывай.

Веспер кивает и засовывает оружие в карман плаща.

– И береги себя, ради всех нас.

Диада заталкивает пену Веспер в уши, закрывает ей уши руками.

Одна из рыцарей салютует мечом девочке, потом небу. На прощание.

Веспер инстинктивно закрывает глаза.

Рыцарь с силой давит на меч, но он стоит под неверным углом. Летят искры, скрипит металл. Люди вздрагивают и стискивают зубы.

Ее меч не ломается.

Она кричит и снова поднимает его. На этот раз все верно.

Даже несмотря на слои защиты, Веспер чувствует, как сквозь нее проходит звук, настолько резкий, что она проверяет, не ранена ли. Затем, когда подрывные заряды пробивают камень, ощущает взрыв куда менее примечательный.

Снаружи Первая неподвижна. Под ее оболочкой довольно пульсирует сущность.

В убежище образуется очередь из рыцарей, они выходят с полными скорби лицами. Мечи застывают в приветствии.

Веспер удается быстро поклониться, прежде чем ее торопит Диада, указывая на все еще дымящуюся новообразованную дыру. Она смотрит вниз, слышит плеск воды в темноте.

К лицу Веспер Диада прикладывает маску. Чистый пластик, закрывающий лицо от лба до подбородка. Маска тут же приклеивается, быстро запотевает, потом очищается.

Дженнер улыбается девочке, салютует и прыгает в дыру. Последними исчезают рыжие волосы.

Веспер бормочет что-то в ответ, но ее слова теряются за маской, за звуком крушения стали, за последней песней мечей.

Одна из гармонат спускается в дыру. Другая помогает Веспер, затем следует за ними. Они то скользят, то лезут вниз, туннель вокруг них дрожит, пока наверху преломляются очередные мечи.

Камень холоден, но вода холоднее, она охватывает ноги и лишает всякой чувствительности. Веспер пытается остановиться, чтобы собраться с духом, но Диада, придерживаясь иного мнения, дотрагивается до ее плеча, торопя вперед.

Замершая от страха и холода девочка позволяет Диаде толкать, тянуть себя, вести сквозь туннель в открытые воды. Вдали от скал тянущимися с неба красными и золотыми пальцами

под воду проникает свет. Они следуют за лучами, как будто те их поднимают все выше и выше, пока их головы не появляются над поверхностью воды, качаясь на волнах у подножия скалы.

Слишком тяжелая, чтобы легко держаться на воде, Диада с трудом продвигается вдоль скал и тянет за собой Веспер. Они плывут медленно, с остановками, волны их замедляют, онемевшие пальцы соскальзывают с гладких камней, зубы стучат, от напряжения невольно вырываются стоны.

Высоко над ними, на краю скалы, подобный маленькому черному пауку, Дженнер начинает отправлять в небо сигналы, включая и выключая фонарик. Мигает быстрый и сложный код, озадачивая непосвященных.

Но даже самые отъявленные глупцы понимают, что сообщение отослано, и даже они могут отследить источник сигнала. Прежде чем Дженнер заканчивает передачу, над скалами возникает небесный корабль. Он медленно разворачивается, открывается боковая дверь. В проеме появляется одетая в черную броню и свободное черное одеяние фигура и не раздумывая бросается вниз. Очередной фрагмент Первого.

Расставив руки, он стремительно падает вниз, все быстрее и быстрее, пока не достигает Дженнера, срывая его со скалы.

Долгих три секунды они падают. Слышится всплеск воды, появляются круги. Затем не происходит ничего.

* * *

На улицах Соноруса, в одном из полуразрушенных домов, из окна смотрит женщина. Она принимает далекий световой сигнал, остающийся по ту сторону облаков.

Когда он заканчивается, она встает, хватая спрятанную под пыльным покрывалом сумку и направляется к выходу. Выглядывает наружу. Пугающе тихо. Люди прячутся в домах, прячутся на работе. Периодически слышатся чересчур спокойные голоса, говорящие людям не высовываться, убеждая, что всё под контролем.

От этой фразы женщина ухмыляется, затем выходит на улицу, закрывая дверь. Пока она идет к докам, от теней отделяется фигура и следует за ней.

Она слышит приближающиеся шаги. Думает бежать, но прислушивается к интуиции и вместо этого готовит спрятанный на запястье дротик.

Постепенно вторая фигура ее догоняет, подстраивается под ее темп.

Женщина обнимает себя руками, будто ежась от холода. Якобы случайно, теперь ее запястье направлено на шею чужака.

Незнакомец кажется закаленным, жестким, как старое мясо.

– Тебе это может показаться... странным, но у нас есть кое-что общее. Мы оба прикидываемся обычными жителями этого города, хотя на самом деле преданы... другим. Ты – агент Крылатого Ока, а я – Первый.

Женщина вскидывает брови, не в силах скрыть удивления.

– Ты знала, что есть кое-что быстрее света?

Задумчиво и яростно она мотает головой, подхватывая игру.

– Я. Я быстрее света. Не эта... оболочка, хотя она определенно выносливая, по вашим стандартам. Мое истинное «я». Именно поэтому я всегда буду... выше остальных.

Они проходят еще немного. Несмотря на холодный ветер, под мышками на одежде женщины проступают темные круги.

– Я знаю, кто ты. Знаю о твоих планах, и знаю, что они провалятся. Но не все потеряно. Я пришел с предложением. Не отвечай. Не спорь. Слушай. Думай. Реши, насколько тебе нужна эта жизнь.

Женщина резко останавливается. Напрягает запястье и выпускает дротик. Не со скоростью света, но все же достаточно быстро Первый уворачивается.

* * *

Диада даже не думает спрятать оружие. Вокруг никого, с толпой не слиться. Одна уходит вперед, отслеживая изменения. Смотрит налево, направо, косится на запыленные окна, затем дает сигнал. Вторая подходит к ней, ведя с собой Веспер.

Попадающиеся на пути дома – безликие кубы, временные здания, которые стали постоянными. Простые коробки, спроектированные в угоду разумному использованию пространства и мало для чего пригодные. Эстетика попрана во имя скорости и дешевизны. Если кубы нагромождены рядом, то это квартиры, если же они соединены, то это жилище более состоятельных жителей. С момента объявления независимости жители Соноруса начали украшать свои дома, чтобы они хоть как-то отличались от остальных. Это сродни первым детским попыткам творчества, но без детской непринужденности или очарования.

Когда в расчеты закрадывается ошибка или когда заканчивается место, то ради дополнительного пространства сужают дорожки, из-за чего возникают узкие проулки, через которые могут протиснуться только самые тощие и низкорослые.

Диада и Веспер едва влезают, просачиваясь боком между нависающих стен. Они не осмеливаются замедлиться, ибо слышат гул начавшейся погони. Вновь оживают танки, маршируют и перекликаются солдаты.

В небе висят три небесных корабля, их прожекторы рыщут по улицам. Прежде чем они успевают обнаружить беглецов, Диада плечом выбивает дверь в дом.

Когда дверь распахивается, они видят мужчину. В одной руке у него автоматический молоток. За его спиной, спрятавшись под столом, кричат дети.

Инструмент уже настроен на максимальную мощность. Мужчина целится Диаде в голову.

Одна пригибается, вторая делает шаг вперед, держа перед собой меч.

Автомолоток летает по широкой дуге, снова и снова попадая в дверной косяк.

Мужчина падает, одной рукой схватившись за вторую.

Диада наступает на него, сапоги с силой давят на подмышки.

Дети снова кричат.

– Заткни их...

– ...или это сделаем мы.

Для большей выразительности Диада заряжает пистолет.

Веспер тянется к ней, но другая уверенно ее останавливает. Тогда она пытается достичь сознания гармонат словами:

– Не убивай их!

– Мы не станем

– ...только если...

– ...у нас не будет выбора.

Семью связывают шнуром и прячут за шкафом – понятно, что о быстром побеге не может быть и речи. Веспер отворачивается и идет к окну. Сквозь грязь на стекле просачивается свет прожекторов. Лучи рьяно рыскают по земле в надежде обнаружить цель. Один, второй, третий, они появляются, делают круг и двигаются дальше.

Веспер прислоняется к подоконнику, откидывает голову на пластик. Мышцы расслабляются, позволяя себе короткую передышку.

Время проходит, она смотрит в пространство, на мир снаружи, но почти ничего не видит. Затем в поле ее зрения проносится что-то маленькое и блеющее. Не успев осознать свои действия, девочка вскакивает.

Диада хором восклицает:

– Стой!

Но она не слушается. Внезапный всплеск энергии несет ее сквозь сломанную дверь на улицу и дальше. Она не обращает внимания ни на тяжелый меч за спиной, ни на усталость.

– Стой, – говорит она. – Это я! Веспер!

Услышав ее голос, козленок останавливается и оглядывается.

Веспер замедляется, садится на корточки, протягивает руки.

Маленькие копытца скачут по камням. Блеяние становится более веселым, и козленок бросается в объятия Веспер.

– Вот ты где. Прости, я думала, что потеряла тебя.

Козленок трется головой о голову Веспер, нежно прикусывает ей ухо.

– Пойдем, нам нельзя здесь оставаться.

Она поднимается и видит нависшую над ней Диаду. Их лица скрыты за забралами, но по глазам она может догадаться, что они думают о ней. Однако она не боится. Куда этим женщинам до отца? По сравнению с ним, они просто дилетанты.

– Нам нужно вернуться в дом?

– Нет...

– ...мы должны опережать поисковые группы...

– ...и двигаться...

– ...к порту.

– Дженнер сказал, что нам придут на помощь.

Диада берет ее за руку, направляясь дальше.

– Помощь...

– ...найдет нас.

– Или нас найдет Первый, – мрачно добавляет раненая.

Отряды рассеиваются по городу, образуя плетущуюся между домами сеть из людей. Танки несутся вниз по Торговому Пути, спеша присоединиться к тем, что уже скопились у входа в порт. Хаотично движутся небесные корабли, прочесывая воздушное пространство.

Гармонаты, девочка и козленок бегут, прячутся, снова бегут.

Вокруг них медленно захлопывается ловушка.

Времени не остается, и Диада ускоряется, наполовину таща, наполовину неся Веспер. Девочка пытается сохранять темп, пытается помочь, но уставшие ноги заплетаются, не в силах вновь подхватить нужный ритм.

Где-то рядом открывается дверь, и из ее тени появляется фигура, приглашая войти.

Они идут на этот риск и скопом заходят внутрь.

Веспер с козленком благодарно забиваются в угол. У Диады нет такой возможности. Одна из них встает между незнакомцем и своей подопечной, вторая прислоняется к стене – один меч в ее руке, другой покоится на раненой груди.

Мужчина быстро закрывает дверь, затем поворачивается, выставив темные руки ладонями наружу.

– На какое-то время вы здесь в безопасности. Не бойтесь, я вам не враг.

– Мы сами...

– ...это...

– ...решим.

– Хорошо, – отвечает мужчина. – Возможно, вам пригодится это.

Он кладет сумку на стол. Диада ее изучает, находит припасы. Пайки, лекарства, деньги, инструменты – всё с клеймом Крылатого Ока.

Она хмурится.

– Ты из...

– ...Линз?

– Нет. Но когда-то эти вещи принадлежали Линзе. Она бы хотела, чтобы вы их взяли. Меч за спиной у Веспер начинает беспокоиться.

– Тогда кто...

– ...ты?

– Как я и сказал, я вам не враг. Но я не имперец.

Диада обнажает клинки.

Меч гудит все громче.

– Таково ваше... решение?

– Для инферналей...

– ...есть только одно...

– ...решение.

– Вы уверены? Мне кажется... что нет. Да и откуда? Ваши слова вас выдают – вы себе не принадлежите. Упрощенные фразы, созданные, чтобы не перегружать вам разум. Всего одно решение? Если это так, то где же Семеро? Почему имперцы от них отворачиваются? Если для моего... народа существует только одно решение. Почему же *ваш* народ попросил меня прийти?

Мечи Диады едва заметно колеблются в руках.

– Вас зовут гармонатами. Вы были созданы в попытке найти более глубокое единство, другой тип существования. Я понимаю эту... необходимость. Желание быть лучше, чем позволяет ваша физическая составляющая. С моей помощью вы сможете соединиться полностью. Еще не поздно. Опустите оружие, и я вам дам то, чего вы действительно хотите.

Первый идет к Веспер. Диада не движется, одна из них перекрывает путь, другая остается у стены.

Свободной рукой Диада наводит пистолет на Первого по мере его приближения.

– Мы не станем...

Предложение повисает незаконченным.

Диада смотрит на свою половину, притихшую у стены.

– Не отключайся!

Первый качает головой.

– Но в этом... вы не вместе. Вы никогда не были вместе по-настоящему. Вы – лишь видимость истинного единства. Жалкая пародия, не более того.

Она взводит курок.

– Заткнись!

– Вы скорее выберете насилие, нежели примете истинное положение вещей? Как жаль.

Она нажимает на курок. Но Первый уже отступил в сторону. Со стены сыпется пыль, Диада крутится с пистолетом в руке, пытаясь отследить инферналя.

Смазанное движение, слишком быстрое для человеческого глаза, и сломанный пистолет падает на пол. Через мгновение за ним лицом в пыль следует и Диада.

Первый поворачивается к другой женщине.

– Что насчет тебя? Каково твое решение?

Она смотрит на дрожащую девочку и на свою лежащую без сознания половину.

– Не знаю.

– Знаешь. Позволь себе эту мысль, и она придет.

Она опускает клинок.

– Она твоя. Но я хочу того, что ты обещал.

Веспер подавляет рыдание.

– И ты это получишь.

Первый наклоняется к Веспер, пока между ними не остается буквально пара сантиметров.

– Ты потерялась. Как могло быть иначе? Эта сломанная... реликвия тебе не поможет. Она – напоминание о том, что мертво, ничего более. Отдай ее мне, и я тебя отпущу.

Веспер трясет головой – робко, осторожно, как и подобает испуганному ребенку.

Первый тянется вперед, чтобы дотронуться до ее лица. Козленок дрожит, Веспер пытается отклониться. Но бежать некуда, все, что она может, – только отвернуться, чтобы не видеть неизбежного. Внезапно Первому открывается спина Веспер и привязанный к ней меч.

Вдруг гудение обращается ревом, металлические крылья отбрасывают скрывающий их пластик.

Открывается око.

Между Первым и мечом злым голубым огнем вспыхивает воздух.

Инферналь в изумлении отшатывается, одной рукой прикрывая лицо.

Веспер бросает козленка и лезет в карман, из-за чего меч поворачивается и оказывается вынужден пожирать взглядом ничем не провинившуюся стенку.

– Так вот какова Злость, – произносит Первый, шатаясь. – Я надеялся на... большее. Ты – инструмент без владельца, ботинок без ноги. Ты... ничто.

Дрожащей рукой Веспер поднимает пистолет. Курок активируется очень просто, достаточно легкого нажатия. Свет пробивает дыру в теле Первого. Хлещет кровь, шипит сущность.

Первый опускает руку, смотрит на новую рану. Когда он говорит, в голосе не слышно ни малейшего признака боли.

– Наше... соглашение... в силе. Держи ее... здесь.

С бесконечным достоинством инферналь падает на колени.

Диада отталкивается от стены, неожиданно быстро пересекает комнату.

Вытаскивает меч, намереваясь обезоружить Веспер.

Девочка замечает угрозу слишком поздно. Диада наотмашь бьет ее мечом, пистолет выпадает из руки. Веспер порывается бежать, но женщина вновь угрожающе поднимает меч.

– Не двигайся. Существует...

Внезапно ее живот вспарывает клинок, прерывая реплику.

– ...только одно решение.

Гармоната смотрит вниз, видит, что ее половина пришла в сознание и держит в руке меч. Ее последние слова захлебываются в потоке крови, она падает и прибавляет Первого к полу.

Пока он валится на спину и тело слабеет, инферналь не отрываясь глядит на Веспер.

– Я... это... запомню... Ты... не... можешь...

Его слова пресекает меч Диады.

– Я сказала, заткнись!

Фраза повисает эхом в пустой комнате.

Она наносит Первому еще один удар мечом, но не может заставить себя взглянуть на другое тело. В отличие от Веспер. Девочка поднимает пистолет и направляет его на женщину, внимательно за ней наблюдая. Грудь Диады не движется, она спокойна, как озеро в безветренный день. Безжизненна. Веспер убирает оружие.

Снаружи от двери к двери перемещаются солдаты, стучат, ищут. Они уже близко.

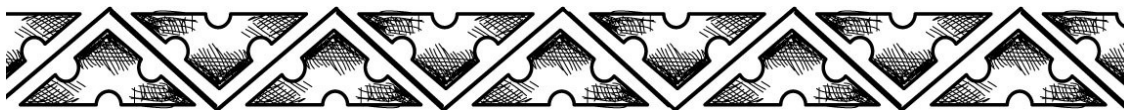
Взгляд Веспер остается прикован к двум трупам.

– И что же нам делать?

Диада не отвечает. Меч повисает в руке, и с него, подобно багряным слезам, тяжело капает кровь.

Глава шестая

Грязный дождь поливает косую площадь. На ее краях собираются твари. В центре площади чернеет дыра, известная как Яма Шепота, в которой обитает одинокое существо, целиком состоящее из конечностей и обтянутых кожей костей. Обитатели Рухнувшего Дворца зовут его Сланец. В его пустом черепе практически нет разума, но даже он знает, когда следует показаться.

Слишком тупой, чтобы бежать, Сланец прислоняется лицом к темной стене ямы, и его мир тут же исчезает.

Наверху ждет Очертание, рядом находится Самаэль, а инфернали группами пересекают площадь и направляются к ним.

Сначала на сочащихся влагой, заплывших ногах приходят сквернавцы. Группу гордо возглавляет их лорд. Узурпатор наделил его силой, а его голову – зелеными отростками в форме короны. Нельзя сказать, что он пользуется большей популярностью, чем его противники.

Следующим прибывает Заусенец, он один, голова усеяна когтями, а на ветру развевается сотканный из чьих-то кож драный плащ.

Затем появляется маленькая девочка верхом на огромном порождении Узурпатора: Вспятившая – ее растянутая шея свернута змеей, а позади топчутся последователи-полу-кровки.

Последним подходит Образина. Иногда его называют Невыразимым, ибо даже соратники не в силах долго на него смотреть. Его многочисленные карманы и складки заполняют орды младших инферналей. Армия проблемных отпрысков, кормящихся из сотни грудей.

Когда все приближаются к краю ямы, Очертание наклоняется, находит один из многочисленных отростков и тянет его вверх. Остальные поочередно копируют его жест, пока наконец чудище не отрывается от земли, клацая и бормоча себе под нос.

Общение инферналей всегда сопровождается риском. Даже если обе стороны настроены мирно, сущности могут смешаться, а желания – поменяться местами или внедриться в чужое сознание. Никто не осмеливается нападать открыто, но, чтобы положить конец смуте, каждый должен продемонстрировать свою силу другим. Достаточно убедительное представление может убедить остальных подчиниться без боя и закрепить за победителем инфернальный трон.

Сущность Сланца слаба, что позволяет остальным инферналям без риска вступить с ним в контакт. Они используют его в качестве проводника, неоднородной завесы, которая действует подобно решетке: разделяет, но при этом не препятствует коммуникации.

Точно рассчитав время, инфернали просовывают ту конечность Сланца, которую держат в руках, в свои оболочки, пока она наконец не соединяется с сущностями. Когда у кого-то из них оформляется мысль, она проникает в монстра, спускается в яму, и другие могут считывать эхо.

Возникает неизбежное позерство. Каждый пытается казаться больше остальных, закидывает удочку в надежде, что со временем откроются новые слабости. Очертание не вмешивается в процесс, держась в стороне и закрыв себя от других. Оно подозревает, что Лорд Сквернавец готов попытаться заполучить власть и что Образина всеми силами оберегает какую-то тайну. Оставшиеся двое практически не читаются.

Все четверо довольны тем, что остальные претенденты не осмелились прийти. Затем Очертание входит в сущность Сланца.

– Меня создали для служения... – начинает он.

– ...низшим.

– ...вкусу.

– ...яинежулс.

– ...нам, – перемешиваются ответы.

– ...и долгое время я служил господину.

Он замечает отголосок беспокойства, которое все еще приносит упоминание Узурпатора.

– Там, где сияло Зеленое Солнце, ныне только пустота. Кто из вас ее заполнит?

Приходят четыре ответа: четыре голоса заявляют о своей пригодности.

– Вы можете говорить, что угодно. Но господин не тратил время на слова, господин брал, а остальные содрогались. Отныне явится новый господин, тот, что заберет нас, и изменит, и уничтожит.

Вопросы возникают один за другим, и сущность Сланца опасно истончается. Очертание вбрасывает между ними тень – изображение их нового врага.

– Оно зовется Тоской, и оно зреет у Разлома. Я обещаю присягнуть на верность и отдать трон господина тому, кто сумеет ее уничтожить.

Возникает пауза, длится она не дольше взмаха крыла колибри – для сущностей проходит вечность. Затем раздается звук. Первым предложение принимает Лорд Сквернавец, и сразу за ним – остальные.

Сланца резко бросают, и он проваливается обратно в яму, а инфернали удирают, уходят и ушаркивают прочь. Уже строятся заговоры, планы атаки, мечты о победе и о том, что за ней последует.

Очертание позволяет себе внутренне улыбнуться. Ему интересно, вернется ли хоть кто-нибудь.

* * *

Веспер не может отвести взгляда от двух тел, а в ее руках дрожит направленный на них пистолет.

– Что же нам делать? – вновь спрашивает она. Вопрос она задает в том числе и себе, а не только Диаде, которая уже слишком долго молчит.

Наконец она опускает пистолет, успокаивает дыхание. Идет к сумке с припасами, пытаясь хоть что-нибудь придумать, отталкивает голову козленка, копающегося в поисках еды. Большинство предметов опознаваемы, даже знакомы. Она касается дермы, видит бинты, девять банок с таблетками – предположительно, лекарства. Находит подушку из мутигеля, воду, порошковую еду и набор инструментов. Один из них напоминает ей навигационный комплект, с которым отец разрешал ей играть. Веспер до сих пор помнит выражение его лица, когда она сломала навикомплект.

Она его берет и запрашивает активацию.

Навикомплект не распознает ее голоса.

– Активация! – повторяет она, от отчаяния повышая голос.

За спиной начинает гудеть меч.

Веспер поворачивается, достает пистолет, но Первый лежит там же, где был, остекленевшие глаза так же смотрят в потолок.

Гудение меча становится все громче, все настойчивее, затем прекращается.

Радостно пикнув, активируется навикомплект.

На полу высвечивается карта с видом на Сонорус сверху. Внешняя стена изображена толстой черной линией, изгибающейся как перевернутые рога, а внутри нее – сетка бесконечных дорог, каждая из которых упирается в маленькую площадь. Веспер видит светящуюся белую точку, которая указывает ее местоположение. Она касается точки пальцем, приближая карту, показывающую дом, где они находятся, соседние дома и перекресток переулков неподалеку.

Под ними располагается другая сеть – багровая. Секретные туннели, известные только агентам Крылатого Ока, входы в которые разбросаны по всему острову.

Веспер поднимает брови.

– Вот оно, Диада. Диада! Мне кажется, я нашла выход.

– Это не... – начинает она, но закончить предложение некому. Она подавляет рыдание.

Ориентируясь по навикомплекту, Веспер перемещается по комнате. Изображение увеличивается, соотносясь с реальным масштабом. В одном из углов высвечивается бордовый квадрат. Девочка бежит к нему, за ней следует козленок, который разделяет ее восторг, а возможно, даже понимает, что происходит.

Пальцами она ощупывает стену, ища отверстие или ручку, но безуспешно. Лихорадочно продолжает искать, и со лба на грязный пол падает капля пота. Затем внезапно на пять сантиметров от пола поднимается пластиковый квадрат. Веспер его хватает и тянет вверх.

Щеки из красных становятся пунцовыми, мышцы горят, но панель поддается.

С восторженным блеянием козленок просовывает голову в получившееся отверстие и вытаскивает панель.

Девочка вместе с панелью отлетает назад.

Козленок аккуратно идет вперед, скребет копытцами пустое пространство. Мгновение он колеблется, а затем падает в новооткрывшуюся дыру.

Доносится звук прерванного падения и недовольный возглас.

Веспер поднимается.

– Диада, смотри!

Диада смотрит, но ее взгляд не изменяется.

– Это не... – Ее передергивает. – ...важно.

Веспер сжимает ее руку.

– Пожалуйста, пойдем. Ты мне нужна.

Диада не отвечает на пожатие. Едва заметно качает головой. Но Веспер ее не отпускает, и, когда Диада осознает, что ее мягко, но настойчиво тянут, она с удивлением понимает, что подчиняется и идет за девочкой.

Так, вместе, они и спускаются.

В разных местах Соноруса внезапно останавливаются и резко поворачивают головы фигуры в черных масках. Они принимаются бежать, оставляя солдат позади. Ноги сливаются в одно круговое движение по мере того, как они мчатся по улицам, быстрее, чем кажется возможным.

Свидетелям остается лишь во все глаза на это смотреть и содрогаться.

Вскоре четырнадцать фигур в одинаковых одеяниях собираются в каком-то доме.

Внутри лежат два тела. Одно из них принадлежит мужчине, постаревшему за проведенное вне пределов дома время, со взглядом, направленным в вечность. Фигуры собираются вокруг трупа. Из двух резаных ран и пробитой враждебным светом дыры клубами испаряется сущность.

Фигуры синхронно захватывают испарения и сплетают их воедино. В их руках все отчетливее формируется шар. Они вытягивают сущность из тела, выскребывают ее из самых затаенных уголков и сразу же вплетают в шар. Закончив, закрывают мужчине глаза.

Затем шар перемещается ко второму труп – к телу женщины, к оставленной половине Диады. Они проталкивают шар в рану на груди и наглухо ее зашивают.

Если в теле что-то и оставалось от прежней женщины, то теперь оно навсегда исчезло.

Первый открывает глаза и встает.

Воскреснув, опускает голову, остальные повторяют этот жест, и вот все пятнадцать черепов соприкасаются, делятся знаниями, составляют план.

Меньше чем через секунду они распадаются: десятеро мчатся к выходу, оставшиеся пятеро направляются к ничем не примечательному на первый взгляд углу и тянутся к потайной двери, которую заметила умирающая. Но панель отказывается подчиняться Первому.

Инферналь наклоняется над строптивым пластиком, сжимает кулаки в защитных перчатках и работает ими как поршнями, стучит, молотит и наконец ее пробивает.

Туннель такой низкий, что приходится ползти на четвереньках. Козленок прекрасно помещается и скачет впереди. На забрале Диады загорается кристалл, разгоняя тьму.

Веспер бросает на нее завистливый взгляд.

– Что?

– Ничего.

Они ползут дальше. Веспер вздыхает, бормочет:

– Ну почему я не взяла фонарик?

– У тебя есть... – Диада замолкает, раздраженно бьет себя по голове, – целых два.

– Да?

– Навикомплект... и... пистолет.

– Это фонарики?

– Это фонарики.

Их слуха достигает отдаленный грохот. Затем треск, глухой удар грома.

Диада ускоряется и врзается в Веспер.

– Быстрее.

– Что происходит?

Она толкает девочку в бедро.

– Быстрее!

Веспер издает жалобный возглас. Позади слышатся многочисленные скрежещущие звуки скольжения легких панелей по камню.

В спешке они обдирают колени и костяшки о стены туннеля – мелкие травмы, о которых можно будет подумать позже. Несколько раз коридоры разветвляются, но Веспер не мешкает, восстанавливая в голове бордовую линию на карте.

Звуки охоты прекращаются.

Веспер замедляется, собирается что-то сказать, но Диада в нее врзается и раздосадованно шипит.

Когда они снова ползут, звуки преследования затихают.

– Они не знают туннелей, – задыхаясь, говорит Веспер. – И разделяются.

– Это... не важно. Нам и... одного... хватит.

Внезапно свет фонарика упирается в конец туннеля. Сплошная стена, украшенная подтеками, а перед ней – очередная дыра. Веспер достает навикомплект и светит вниз. Луч танцует по воде и огибает длинный цилиндр спасательного судна, лениво покачивающегося на поверхности. Там, где свет доходит до дыры, он отражается от прутьев, каждый шириной с великанскую руку, на первый взгляд вполне удобных. Веспер карабкается вниз.

Прежде чем девочка достигает дна, цилиндр приветливо раскрывается. Веспер падает с последней перекладины, звук ее падения заглушается толстыми металлическими стенками. Труба не переворачивается даже с сидящей на цилиндре девочкой.

Аккуратно раскачивая его, Веспер проверяет его на плавучесть. Затем освещает комнату навикомплектом, изучая ее границы. Помещение оказывается не больше лодки, на которой она сидит. Веспер опускает навикомплект, переключает его с режима фонарика на режим навигатора. Линии на экране показывают выход. Веспер хмурится.

– Выход находится под нами, надо спуститься.

Она хлопает по цилиндру.

– В нем. Это безопасно, я думаю.

В туннеле над ней Диада отползает назад и пытается медленно развернуться в ограниченном пространстве.

– Нет.

– Что?

– Иди одна.

– А ты?

Диаде удастся развернуться, и теперь она пытается достать меч.

– Я остаюсь.

– Но почему?

– Чтобы защитить... – Локоть больно стучается о стенку. – ...Тебя.

Она почти достала меч, но в тесном туннеле ей не выпрямить руку полностью.

Конец клинка все еще в ножнах.

– Не бросай меня. Ты мне нужна.

– Так... будет лучше.

Веспер опускает голову, мешкает, беззвучно проговаривая слова перед тем, как произнести их вслух.

– Это от тебя не зависит. Меч хочет, чтобы ты пошла со мной.

Диада пятится назад, оказывается на краю. С усилием поворачивает голову и скашивает глаза, пока наконец ей не удастся бросить на Веспера подозрительный взгляд.

– Меч Гаммы говорил со мной, помнишь? Я нужна, чтобы его нести, а ты нужна, чтобы меня охранять.

Диада на нее смотрит, скрывая выражение лица за забралом.

– Не глупи! Ты даже меч здесь не вытащишь. Они в считанные секунды тебя убьют, и ты умрешь напрасно. Если хочешь меня защитить, немедленно спускайся вниз!

Ее голос отражается от туннелей, повторяется и затихает, затихает и возрождается, выдавая их местоположение. Когда звук гаснет, наступает тишина.

Веспер, Диада и козленок замирают, пытаясь понять, кто еще их слышит.

Затем внезапно раздается решительный звон брони, топот ног – неестественно быстрый и нарастающий.

Выругавшись сквозь зубы, Диада отпускает меч обратно в ножны и спускается в дыру. Падение получается быстрым и выверенным, и она приземляется мягко. Цилиндр частично погружается в воду.

Сверху высовывается козленок. Ему страшно прыгать, страшно оставаться на месте.

– Давай, – подбадривает Веспер.

– Оставь его.

– Нет! – Она протягивает руки, улыбается – Давай, ты сможешь. Прыгай. Я тебя поймаю.

Козленок блеет, заносит копытце над дыркой, затем поспешно отступает.

– Не бойся.

Диада говорит быстро, принуждая себя вставлять слова туда, где, в теории, должны быть паузы.

– У нас нет времени, нам надо уходить, забудь про животное – или мы все погибнем.

Веспер не поддается.

– Ты сможешь. Прыгай!

За ее спиной начинает трястись меч.

– Давай же, – преувеличенно бодро говорит Веспер. – Прыгай.

Козленок закрывает глаза и, мекнув в последний раз, бросается вниз, размахивая копытами.

Диада ругается.

Улыбка исчезает у Веспер с лица.

Звуки перекрывают друг друга – вопль сигнализации смешивается с криком боли. Хлюпает вода.

Веспер держит козленка и понимает, что заваливается назад. Диада тянет ее за воротник и возвращает на место.

– Спасибо.

Цилиндр построен разумно, но рассчитан на одного. Веспер и Диада теснятся вдвоем, пытаясь устроиться как можно удобнее. К счастью, один пассажир еще ребенок, а у второй гибкая броня, предназначенная для быстрых перемещений. Но даже несмотря на это, в спину Веспер впивается меч, а содержимое раздавленной сумки – в бедра и живот.

Козленок трижды поворачивается, затем устраивается в ногах у Веспер.

Цилиндр начинает закрываться сам, без команды. Они быстро складывают руки и наклоняют головы. Две половины крышки цилиндра соединяются и тут же герметизируются.

На внешней стороне появляются маленькие дырки, жадно всасывают в себя воду, цилиндр утяжеляется и, внезапно накренившись, скрывается под водой.

Первый достигает конца туннеля, останавливается у дыры и смотрит вниз. Он прекрасно видит в темноте и без фонаря.

Внизу – ничего, только вода, омывающая стены помещения.

Остальные появляются сзади, спешат через сеть туннелей, их приближение успокаивает.

Первый их не ждет. Бросается в воду вниз головой и черной тенью устремляется в чернильные глубины.

Подобно тихой торпедой, он спускается все ниже и ниже, находя новые туннели. Читает водовороты и течения, быстро сужая круг возможных вариантов, пока не остается только один.

Первый не плывет. Вместо этого отталкивается от дна выбранного туннеля, разрезая воду.

Упорные усилия вознаграждены – в поле зрения возникает уплывающий серебряный силуэт. К тому моменту, когда Первый достигает конца туннеля, мерцающее пятно уже находится в открытом море за пределами Соноруса.

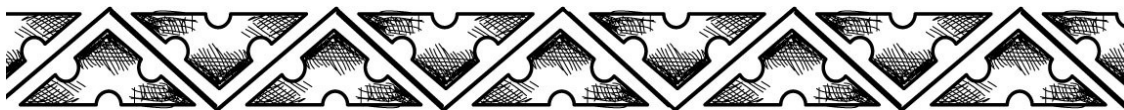
Вырастая из воды подобно сплетенному из теней языку, Первый не выказывает никаких признаков досады. Он просчитывает множество параметров: глубину, скорость, направление.

Злость направляется на юг.

Первый не отправляется в погоню. Этого не требуется. Он уже там, где нужно, в сотне фрагментов, разбросанных по всему миру. Все они выжидают.

Глава седьмая

Внутри цилиндра на вогнутом экране транслируется мутный и бескрайний морской ландшафт, где плавают рыбообразные создания и плачут кораллы.

Через плечо Диады Веспер виден лишь кусочек экрана, и то, что картина не видна целиком, причиняет ей невыносимые страдания.

Она замечает прерывистое дыхание Диады. Ее визор – на расстоянии пальца от лица девочки, так близко, что она видит закрытые глаза и чувствует, как спутницу трясет.

– Диада! Диада! Что случилось? Что не так?

Сквозь сжатые зубы слышится ответ:

– Обезболивающие.

– Какие обезболивающие?

– Мои. Перестают действовать.

– А в сумке есть еще?

Диада резко открывает глаза.

– Да.

Рука в защитной перчатке захватывает пустое пространство – пальцы шевелятся, как паучьи лапки, но до сумки никак не достать. Тянутся, удлиняются, затем срываются Веспер на шею.

– Бесполезно.

Теперь очередь Веспера. Хоть она и в более выгодной позиции, у нее затекла рука, из-за чего теперь девочка двигается неуклюже.

Пока они силятся хоть что-то сделать, из-под ног Веспера доносится звук струящейся жидкости.

Когда они смотрят вниз, глаза обеих синхронно распахиваются.

Они не видят растекающуюся желтую лужицу, но в закрытом пространстве достаточно услышать характерный запах, чтобы понять его источник.

Козленок безрадостно блеет.

Веспер поднимает ворот плаща и прячет в него лицо.

Диада кашляет, напряжение заставляет ее скорчиться от боли.

– Надо было его... оставить.

– Он не виноват. Ему просто страшно. Мне тоже скоро надо будет сходить.

– Даже... – Диада легко давит пальцем девочке на горло, – не думай об этом.

Веспер надувается, сжимает ноги, затем снова пытается дотянуться до сумки.

Медленно вытаскивает трубу.

– Я достала контейнер, но не могу дотянуться до инъектора.

– Достань... какие-нибудь таблетки.

– Ты же не станешь их есть вот так, правда?

– Я справлюсь.

Раздается щелчок, в ладонь Диады летит голубая капсула. Она пытается ее поймать, но промахивается.

– Прости. В такой тесноте невозможно прицелиться. И у меня затекла рука.

– Еще раз.

Второй щелчок, и капсула снова падает, ловко уворачиваясь от попыток Диады ее поймать. Она катится к стенке цилиндра прямо в рот голодному козленку.

– Еще раз.

Уже пятая ценная пилюля потрачена впустую. Седьмую она ловит. Изнутри забрало покрылось потом, ограничивающим видимость. Диада не в силах поднять руку выше, ее защищенная железом голова падает и больно бьет Веспер в губы.

Глаза слезятся, губы дрожат, но девочке удается сдержать плач.

Диада не замечает, сосредоточенная на том, чтобы просунуть капсулу под забрало.

Веспер наблюдает.

– А не легче было бы его снять?

Не дождавшись ответа, снова спрашивает:

– Помогает?

– Пока нет.

Проходит время. Снаружи – мутная и мрачная пустота океана. Веспер пытается освободить руку, Диада резко втягивает воздух.

– Сочувствую. Где болит?

– Везде.

– Ой.

– В боку... хуже всего.

Веспер выворачивает шею и мельком замечает вмятины на нагруднике у Диады. Безупречная сталь ныне пестрит неровностями. Очень осторожно она дотрагивается до брони. Ощупывает бороздки в металле, четыре короткие царапины рядом с глубокими зарубками наверху. Четыре восклицательных знака, оставленных одним ударом кулака. Такие же вмятины есть и на других местах, хоть и не настолько глубокие.

Она закусывает губу.

– Совсем... плохо, да?

– Да. Может, снимем нагрудник? Мне не нравится, что он в тебя впивается.

– Мне тоже, но... он удерживает... кости на месте.

В голосе Диады она слышит безнадежность.

– Мы справимся, обещаю.

Наконец обезболивающие начинают действовать: Диада закрывает глаза, проглатывает окончания слов.

– Лгать... в присутствии... Семи... грех.

– Я не лгу! – протестующе восклицает Веспер.

Голова Диады медленно клонится вперед, пока не оказывается на голове девочки.

– Я не лгу, – повторяет она.

Постепенно голова Диады скатывается Веспер на плечо и замирает.

Океан не пустует. В глазах неспециалиста он грязен и безлик, его однородность разбавляется лишь клоками света и тени, различается только густотой мутной дымки. Но эта дымка живая, на самом деле она состоит из бесчисленных фитопланктонных организмов. Когда-то эти создания находились на самом дне пищевой цепочки. Годы жизни в оскверненной воде все изменили. Ныне они больше и опаснее, чем прежде. Поодиночке они не представляют интереса для других существ. Какой бы большой ни была песчинка, она остается несущественной песчинкой. Но когда песчинки ради общей цели собираются вместе, то становятся чем-то совершенно иным.

Серебряная подлодка несется сквозь воды по заданному курсу. Подобно ножу, она разрезает тучи, но тучи кровоточат, размазываясь в тонкую пленку по поверхности лодки. Со временем пленка уплотняется, ее цвет усиливается. Неразумные организмы, пытаясь перева-

ритель добычу, выпускают на поверхность подлодки пищеварительные соки. Они никак не вредят бронированной оболочке, и судно продолжает свое путешествие.

Но мимо проплывает все больше туч, и наконец становятся видны заросли зелени. На плавниках подлодки, как непослушные волосы, колыхнутся жилистые волокна.

И все равно судно не сдастся, становясь все зеленее и зеленее, толще и толще, покуда изначальная форма не искажается. Теперь это огромный огурец с сотней хвостов, и он тонет.

Тонет.

Уходит вниз, в глубокие воды, где морские обитатели вырастают до каких им вздумается размеров.

По мере снижения к нему прилепляются прочие существа, кормясь и добавляя ему веса. Металлические плавники пытаются двигаться, но наслоения голодной жизни их блокируют, а моторы автоматически отключаются ради сохранения энергии.

Затем на самой глубине возникает движение. Морское дно шевелится, к судну тянется что-то огромное и бородавчатое. Сложно сказать, подлодка касается дна или дно достает до нее. В любом случае происходит контакт.

Мгновение подлодка балансирует на вершине, похожая на украшение какого-то сюрреалистического дерева. Затем плоть под ней начинает растягиваться, разделяется, огибает и захватывает судно, подобно пузырю.

Быстро мигают ослепительные огни. Веспер со стоном просыпается. Скованные мышцы требуют внимания, но бунтуют, когда она пытается пошевелиться. Враскорячку лежат ноги и руки, ограниченные теснотой цилиндра. Она чувствует, как отекли и опухли пальцы. Несмотря на вой сирен, мысли медленно обретают четкую форму.

Диада все еще спит, ее голова давит на плечо Веспер, будто железный шар. Девочка не видит козленка, но слышит его всхрапывания, а новые резкие запахи намекают на его действия.

На экране больше не изображен океан. Вместо него, подобно живому занавесу, дисплей заполняет черная волна. Присмотревшись, Веспер замечает маленькие точки, рассыпанные по всей картинке. Неуклюже разбирается с интерфейсом, приближает изображение, пока не понимает, что каждое пятнышко – это чьи-то губы, размазанные по поверхности камеры и покрытые бело-зеленым клеем.

Веспер корежит от омерзения.

На экране шевелится тьма, и цилиндр трясет.

– Диада! – кричит она, но та погружена в наркотический сон. У ее ног в счастливом забытии храпит козленок.

Не обращая внимания на зажатость в шее, Веспер поворачивает голову, пытаясь посмотреть на меч.

– Эй! Эй! Это я, Веспер, и мне очень нужна твоя помощь.

Цилиндр снова трясет, но на этот раз к тряске добавляется слабый звук дробления и скручивания. На верхней части экрана появляются новые сигналы, а одна из панелей отъезжает назад. За ней обнаруживается прозрачная маска.

Раздается спокойный, неуместно безмятежный автоматический голос:

– Аварийная герметизация через семь... шесть... пять...

Веспер хватается маску, прикладывает к лицу, но промахивается.

– ...четыре... три... две...

Со второй попытки ей удастся ее приладить. Маска прилепляется к лицу, на пластике появляются поры.

– ...одну.

Спрятанные в цилиндре трубки начинают распыление. Они сконструированы таким образом, чтобы покрыть пилота слоем специально измененной дермы, позволяющей выжить

на глубине. Отличная идея, эффективная, идеально рассчитанная для одного человека. Столкнувшись с тремя пассажирами разных размеров и разных видов, идея терпит крах. Трубки выплевывают тонкую желеобразную субстанцию, которая покрывает козленка снизу, а Веспер – сзади, с головы до пят. Однако ее лицо, грудь и все, что ниже, остаются незащищенными от стихий. Ноги Диады также облиты дермой, но одну из трубок она перекрывает локтем, а спиной – другую. В этих местах образуются толстые кольца, быстро застывающие пончики из прозрачной пасты.

На третий раз то, что снаружи, шевелится, и цилиндр гремит. Среди грома четко слышится недвусмысленный треск обшивки. Округлившимися глазами Веспер смотрит на пробивающуюся внутрь единственную каплю. Она медленно растет, внутри нее вращается целый мир с собственным климатом – черным, зеленым и серым. Затем она скатывается по стене, оставляя след для других. Кап. Кап. Кап.

– Диада! Диада! Гамма! Кто-нибудь!

Теперь вода капает быстрее. Когда первая капля достигает дна цилиндра, она останавливается – не образует лужу, не скатывается к спящему козленку. Выжидает. Остальные присоединяются, сливаются, утолщаются. Постепенно формируется трубка из живой воды – не то щупальце, не то язык. Внутри дрейфуют пестрые сгустки, вращаясь в поисках Веспер.

Девочка перестает кричать и закрывает рот.

От стены с причмокиванием отделяется конечность и направляется к дрожащей девочке. Та пытается достать из кармана пистолет, но Диада пережимает ей руку, и времени нет.

Конечность дотрагивается до геля на задней стороне ее ног, отпрядывает. Замирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.